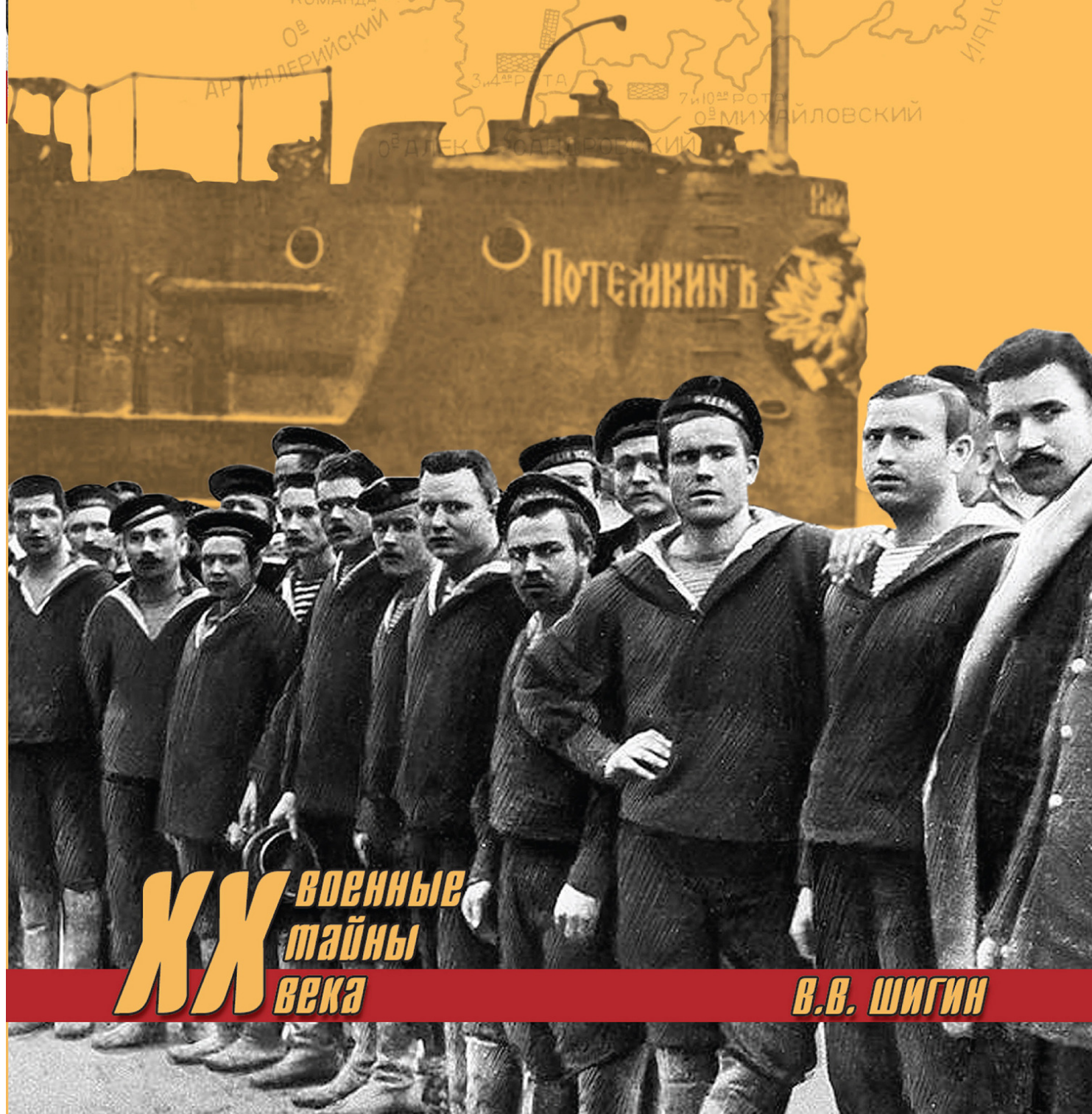

ПОСЛЕДНЯЯ КРОВЬ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Мятеж на Балтике и Тихом океане

XX военные
тайны
века

В.В. ШИГИН

Военные тайны XX века

Владимир Шигин

**Последняя кровь первой
революции. Мятеж на
Балтике и Тихом океане**

«ВЕЧЕ»

2017

Шигин В. В.

Последняя кровь первой революции. Мятеж на Балтике и Тихом океане / В. В. Шигин — «ВЕЧЕ», 2017 — (Военные тайны XX века)

ISBN 978-5-4444-9208-6

Революция 1905–1907 годов оставила немало тайн, связанных с мятежами на российском военно-морском флоте. В 1906 году на Балтике, как и в 1905 году на Черном море на броненосце «Потемкин» и в Севастополе, действовали все те же кукловоды. На этот раз роль «запала» (каким явился в 1905 году на Черном море броненосец «Потемкин») на Балтике предназначалась броненосному крейсеру «Память Азова». Именно он должен был стать инициатором серии мятежей на кораблях Балтийского флота и оказать помощь одновременным мятежам в Свеаборге и Кронштадте. При этом в отечественной историографии революционные события на Балтике в 1906 году всегда освещались намного скромнее, чем подвиги черноморских мятежников на броненосце «Потемкин» и крейсере «Очаков». Если морские мятежи 1905 года были возведены в ранг легенд, то о событиях, происшедших на Балтике год спустя, говорят всегда очень мало. Причем даже когда о балтийских мятежах и упоминали, то, как всегда, замалчивая многие, весьма важные детали, которые во многом меняют истинную картину происходившего. Это происходило, конечно же, не случайно. Думается, что сегодня настало время рассказать правду о кровавых событиях на Балтийском море летом 1906 года. Крайне мало известно и о последних по времени морских мятежах во Владивостоке, которые завершили кровавую поступь первой русской революции. Раскрытию тайн событий на Балтике и во Владивостоке в 1906–1907 годах и посвящена новая книга известного российского писателя-мариниста капитана 1-го ранга Владимира Шигина.

ISBN 978-5-4444-9208-6

© Шигин В. В., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Вместо предисловия. Затухающий костер революции	7
Часть первая. Дело «Памяти Азова»	14
Глава первая. Любимый корабль императора	14
Глава вторая. Что нам говорят историки?	20
Глава третья. Мятеж «Государева корабля»	26
Глава четвертая. Битва за крейсер	37
Глава пятая. Суд над мятежниками	47
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Владимир Шигин

Последняя кровь первой революции.

Мятеж на Балтике и Тихом океане

© Шигин В.В., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Свеаборг и Кронштадт показали настроение войска...
В.И. Ленин

Вместо предисловия. Затухающий костер революции

Сколько бы нам ни рассказывали сказок о романтике революций, о том, как в какой-то стране вдруг неожиданно вдруг ни с того ни с сего возникает революционная ситуация, как народные массы во главе с пролетариями стихийно поднимаются на борьбу с очередным прогнившим режимом, я призываю вас всему этому не верить! В реальности никогда ни одна революция не происходила стихийно сама по себе. В каждом конкретном случае были весьма профессиональные и вдохновители, и организаторы, а самое главное, были финансисты. Революция – дело не быстрое и безумно дорогое, а потому нуждается в длительной подготовке и стабильном денежном обеспечении. Но и выгоды в случае успеха колоссальные – геополитические! Поэтому серьезные революционные проекты по плечу только богатейшим государствам мира, империям, претендующим на роль мировых лидеров и стремящихся к перекройке в свою пользу политической карты мира, а то и вообще к изменению всего мирового порядка. При этом не надо быть наивными и думать, что это только сегодня «революции» и государственные перевороты планируются секретными службами определенного государства, а раньше все происходило как-то само собой. Увы, ничего не ново в нашем мире, в том числе и в отношении организации революций. Если сегодня подготовку и осуществление бесконечного числа т. н. «цветных революций» по всему миру могут позволить себе только США, то в начале XX века это было по силам Англии.

В настоящее время главенствующая роль Англии в организации Первой русской революции уже доказана. С подачи Англии в 1905 году занимались налаживанием революционного процесса в России и США с Японией. Но к концу 1905 года революционная активность в России резко пошла на спад. Внутренняя ситуация в России явно стабилизировалась. Губернии успокаивались одна за другой. От этого российское революционное сообщество пришло в полную растерянность и уныние. Все дело в том, что Англия, США и Япония, заставив императора Николая II подписать крайне невыгодный России Портсмутский мир, решили этим все стоявшие перед ними политические вопросы. Как следствие этого финансирование всех российских революционных партий было сразу резко сокращено, а без денег о продолжении серьезной подрывной работы было нечего и думать. «Революция, объективно, кончилась», – написал тогда известный российский марксист П.Б. Струве.

Именно поэтому ведущими российскими революционными партиями было решено предпринять последнюю отчаянную попытку раздуть искры затухающего революционного костра. При этом преследовались как минимум две цели. Во-первых, постараться повернуть внутреннюю ситуацию в стране вспять, а во-вторых, продемонстрировать своим зарубежным покровителям собственный авторитет, силу, а значит, снова получить доступ к финансовой кормушке. При этом дровами для нового революционного костра должны были на этот раз стать вчерашние рабочие и крестьяне – матросы Балтийского флота.

В советской революционной художественной литературе неизменно присутствовал образ молодого рабочего царской России. Этот рабочий остро переживал несправедливость. На этой почве он в конце концов знакомился с каким-нибудь профессиональным социал-демократом (большевиком). Обаятельный большевик вначале сочувствовал переживаниям рабочего, а потом давал ему почитать «Капитал» Маркса: мол, прочитаешь и сам все поймешь. Теперь у рабочего была цель. Долгими вечерами после напряженного рабочего дня при огарке свечи он захлеб читал на чердаке том за томом «Капитал», и перед ним отрывались дотоле неведомые горизонты. Когда же он переворачивал последнюю страницу великой книги, рабочему все было уже совершенно ясно. Отныне он знал, что источник всех его бед – это прибавочная стоимость, а также то, что отныне он убежденный марксист-большевик. Классикой данной темы, по-видимому, можно считать роман М. Горького «Мать». Помню, читая в молодости подоб-

ные книги, и представляя себе малограмотного (с двумя-тремя классами приходской школы) рабочего, я удивился, какой надо иметь природный ум, терпение и одержимость, чтобы одолеть столь огромный труд, как «Капитал».

Возможно, что в истории России действительно было несколько десятков таких рабочих, которые, даже засыпая, клали Маркса себе под голову. Но то, что остальные сотни тысяч рабочих наперебой захлеб зачитывались Марксом, в этом я сильно сомневаюсь. Представьте современного рабочего с полным средним, а то и со среднетехническим образованием, который бы ночами запоем читал теоретические труды по политэкономии. Если таковые где-то и найдутся, то они скорее редчайшее исключение из общего числа любителей съездить в свободное время с семьей на дачу или оттянуться с друзьями пивком. Что уж говорить о малообразованном пролетарии начала XX века!

Позволю себе небольшое отступление от главной темы. Моя судьба сложилась так, что я вначале учился в военно-морском политическом училище, а затем окончил Военно-политическую академию им. В.И. Ленина, причем ее самый элитный – научно-педагогический факультет. Что касается училища, то там мы, разумеется, учили все основные труды классиков марксизма-ленинизма, но, имея за плечами лишь 10 классов школы, многого не понимали, да многого от нас и не требовали. Получили общее представление – и ладно! Другое дело – академия. На нашем факультете готовили будущих преподавателей всех общественных дисциплин для кафедр общественных наук военных вузов (научный коммунизм, политическая история, политэкономия, психология и педагогика, социология и философия), т. е. тех, кто должен был вкладывать в головы будущих советских офицеров познания марксизма-ленинизма, а потому учили нас фундаментально. Если на остальных (общих) факультетах читали лекции кандидаты наук, а семинары вели даже адъюнкты, то у нас имели право и читать лекции, и вести семинары исключительно доктора наук, причем только самые именитые. Каждое занятие с преподавателями такого уровня было настоящим откровением. Я избрал для себя стезю историка, а потому в течение всех трех лет учебы том за томом штудировал материалы съездов и конференций, разбираясь со всевозможными оппозициями и политическими течениями. Помню огромный том протоколов II съезда РСДРП, который мы дотошно изучали в течение двух месяцев, вникая в каждый диалог, в каждую реплику. Любви к съездам это не прибавляло, но материал мы знали отменно. Если у историков настольными книгами были протоколы съездов, то у философов – знаменитый 18-й том полного собрания сочинений Ленина – «Материализм и эмпириокритицизм», одна из самых путаных и тоскливых работ Ильича. Выпускники военных училищ и академий советского времени меня поймут, потому что ни один из них не миновал участи конспектирования этого нескончаемого и малопонятного творения. Что касается группы политэкономов, то у них была, разумеется, своя библия – «Капитал» Маркса. Учили они его, бедолаги, все три года пребывания в академических стенах. Помню их стенания и проклятья в адрес отца марксизма, зависть к нам. Бедные политэкономы фактически от руки переписывали себе в конспекты все тома Маркса и разобрали их до последней запятой.

Оговорюсь, что состав слушателей нашего факультета был весьма сильным. К концу обучения мы уже сдавали кандидатские минимумы и намечали темы будущих диссертаций. На сегодня большинство моих сокурсников – кандидаты и доктора наук, заведующие кафедрами престижных вузов и известные в своих кругах ученые-историки.

К чему я все это говорю? А к тому, что даже хорошо теоретически подготовленным ученикам при весьма сильной мотивации (получение престижной специальности преподавателя, которая обеспечит тебе и карьеру, и все сопутствующие блага), при наличии лучших преподавателей, освоение «Капитала» Карла Маркса было делом весьма непростым. А нам пытались рассказывать о толпах рабочих-самоучек, которые, читая запоем после работы «Капитал» и, уяснив для себя суть марксистской теории, шли в революцию!

Разумеется, что агитаторы социал-демократов кое-что рассказывали рабочим и о Марксе, но лишь в доступной для понимания малограмотными людьми самой примитивной форме. Помимо этого они много говорили о социальной несправедливости и о том, что уничтожить царизм и буржуев могут только они – пролетарии, которым нечего терять, кроме собственных цепей, зато потом они будут жить припеваючи. Конечно, такая агитация порой приносила свои плоды, и рабочие увлекались идеей экспроприации экспроприаторов. Но в большей своей массе и матросы (вчерашние рабочие), и рабочие (вчерашние крестьяне) за социал-демократами не шли. Уж слишком заумными были их идеи, слишком далекой была перспектива светлого коммунистического рая, который они слабо себе представляли.

Совсем иное дело были социал-революционеры. В отличие от заумных эсдеков, эсеры были людьми дела. Они без всяких раздумий швыряли бомбы в окна полицейских участков, палили из револьверов в губернаторов и жандармов, грабили банки и при этом не читали никаких моралей. Они привлекали к себе храбростью, дерзостью и тем, с какой легкостью проливали чужую и свою кровь, тем, как их боялась власть. Это вызывало не только испуг, но и восхищение, особенно среди молодежи. Для многих поэтому именно террористы-эсеры были настоящими героями! Помимо этого эсеры превыше всего ставили не пролетария, а свободного хлебопашца-крестьянина с отданной ему навечно землей. Это было хорошо понятно матросам (в большинстве своем вчерашним крестьянам) и нравилось куда больше, чем непонятный пролетарский коммунизм. Надо ли говорить, что ряды приверженцев эсеров пополнялись куда веселее, чем у их конкурентов.

Успехи эсеров не могли не вызывать раздражения и даже ненависти у социал-демократов. Именно поэтому группа Ленина и решила перенять многое из арсенала эсеров, чтобы тоже стать популярными. Это вызвало возмущение правоверных марксистов, после чего некогда единая партия социал-демократов и распалась на два враждующих крыла – леворадикалов-большевиков и центристов-меньшевиков. При этом читателя не должны путать наименования фракций. В действительности все было наоборот: меньшевиков было куда больше, чем большевиков.

Впрочем, и у эсеров тоже были свои заморочки. Одни из них так увлеклись терроризмом и грабежами, что ни о чем другом и слышать уже не хотели. Кровь и легкие деньги быстро пьянили, превращая вчерашних идейных революционеров в обычных бандитов. Другие же, наоборот, все еще тешили себя идеями будущей крестьянской республики. На этой почве эсеры тоже постепенно распадались на левых и правых, но пока еще не столь явно, как их главные конкуренты эсдеки.

К 1906 году, когда всем стало предельно ясно, что революция пошла на спад, конкуренция между революционными партиями еще больше обострилась. О каком-то, хотя бы формальном, союзе, который был еще год назад, теперь уже не было речи. Каждый стремился к единоличному успеху, чтобы лавры разжигателя социального костра достались только ему. И на Балтике в этой борьбе за матросские массы эсеры далеко опережали своих конкурентов.

В советское время на эсеров навешали все негативные ярлыки. Они-де специально провоцировали преждевременные восстания, чтобы обречь матросов и солдат на поражение, они выдавали всех и вся полиции. Они, наконец, являлись чуть ли не платными агентами той же полиции. Все это, разумеется, неправда. Эсеры были несколько не хуже, но и не лучше своих конкурентов социал-демократов. То, что именно они начинали почти все мятежи в 1905–1907 годах, говорит только об их авторитете и силе, которых не хватало соперникам. То, что порой эсеры и толкали матросов на преждевременные выступления, было вызвано все той же конкуренцией и желанием эсеров опередить эсдеков, чтобы первыми добиться успеха, возглавить революцию и захватить власть в стране. Если бы история распорядилась так, что к власти в России пришли бы не большевики, а эсеры, то в учебниках истории мы с вами читали бы о любимцах народа социал-революционерах и о провокаторах и агентах охраны большевиках.

Как бы то ни было, но к лету 1906 года и тем и другим было абсолютно ясно, что революция пошла на спад. В этих условиях у революционеров осталась последняя попытка вернуть Россию в хаос революции – поднять на мятеж Балтийский флот, который до того времени пребывал в относительном спокойствии. Конкуренты лихорадочно готовили собственные восстания, интригуя и стремясь обойти конкурентов. При этом эсеры, как всегда, были несколько впереди.

Разумеется, совершенно не случайно все должно было произойти именно на Балтике. При этом, учитывая опыт Черноморского флота, мятеж должен был вспыхнуть одновременно в нескольких военно-морских базах одновременно. Для этого были выбраны Кронштадт и Свеаборг. Первый находился в непосредственной близости к столице, а второй – в лояльной к революционерам всех мастей Финляндии. Кроме этого должны были восстать и боевые корабли. При этом возглавить мятеж кораблей должен был броненосный крейсер «Памяти Азова». Расчет был таков – мятеж на корабле, пользовавшимся особым вниманием императора Николая II, всколыхнет не только флот, но и общество, которое придет к заключению, что если против власти восстают самые заслуженные и «приближенные» к власти корабли, то эта власть не имеет права на существование. Кроме этого мятеж на «Памяти Азова» был личным вызовом самому императору, которого буквально заставляли этим гениальным ходом разочароваться в морях и, как следствие этого, потерять интерес к флоту, а значит, и к возрождению морской мощи империи. Что и говорить, столь далеко идущие цели оправдывали и затраты. А затраты были немалые. На Балтике в 1906 году революционеры сосредоточили свои лучшие силы. Ряд специалистов по организации мятежей были переброшены с юга России. Максимально был учтен опыт 1905 года. При этом, как и год назад в Севастополе и в Одессе, на Балтике шла острая непрерывная конкурентная борьба между социал-демократами и эсерами за влияние на матросские массы и за право назначать вожаков мятежей. Все понимали, что мятеж Балтийского флота – это последний шанс не только разжечь революцию, но и стать во главе ее. И этого шанса никто упускать не желал.

Из хроники революции 1905 года: «Проводить революционную работу на территории Финляндии было значительно легче, чем в России, здесь не было русской полиции. В дни октябрьской стачки 1905 года рабочие Гельсингфорса создали отряды Красной гвардии. Эти отряды существовали вполне легально. К лету 1906 года Красная гвардия насчитывала до 20–30 тысяч человек, правда, вооружена из них была только часть. Правда, руководство финской социал-демократии стояло на оппортунистических позициях». Поразительно, но в империи вполне официально существовала целая армия, готовая в любой момент вступить в бой с властью. И царя после этого упрекают в реакционности и деспотизме! Приведите еще хоть какой-то подобный пример в истории! Задайтесь вопросом, какая самая демократичная и либеральная власть потерпит такое положение дел!

Официально принято считать, что мятежи на Балтике в 1906 году вспыхнули стихийно. Они якобы были запланированы, но на более позднее время. В преждевременном же выступлении масс, как всегда, самую подлую роль играли эсеры. Согласно версии самого большого советского специалиста в области революционного движения в русском флоте С. Найды, здесь отличился известный эсеровский провокатор Азеф, который, выполняя задание охраны – сорвать восстание, подготавливаемое большевиками, и организовал преждевременное выступление.

На сам деле все было не так. Мятеж в Свеаборге (балтийские мятежи начались именно с него) готовился загодя, и готовился как раз на то время, когда и произошел. Подтверждением этому служит практически одновременное со свеаборгским мятежом начало мятежей на «Памяти Азова» и в Кронштадте. Обвинение же на эсеров было «повешено» уже после того, как все эти мятежи подавили. Большевики просто обвинили своих конкурентов в неудаче.

Кстати, и эсеры в неудаче мятежей в Свеаборге и Кронштадте, в свою очередь, обвинили тех же большевиков.

Как отмечалось в одной из большевистских листовок: «Наша тактика была: готовиться, организовываться и ждать общего движения, тактика эсеров – начинать, а за нами, мол, не отступят и остальные... Все свое дело они вели как заговорщики, рассчитывая на то, что самое важное в этом деле – тайна, внезапность нападения. Мы же полагали, что если уж идти на восстание, то надо придать ему массовый характер, надо подготовить настроение на митингах и массовках и в решительный момент вызвать на улицу многотысячную толпу рабочих».

Историк С. Найда о подготовке мятежа на Балтике большевиками в 1906 году писал так: «В.И. Ленин уделял исключительное внимание подготовке, а затем руководству восстаниями матросов и солдат на Балтике. В ЦК РСДРП в это время преобладали меньшевики; этот ЦК не руководил восстаниями, не мог и не хотел этого делать. Он давал оппортунистические лозунги, за которыми массы не шли. В момент восстаний Ленин находился в Петербурге. Под его руководством Петербургский комитет РСДРП через голову меньшевистского ЦК руководил борьбой масс. 16 июля Петербургским комитетом были получены из Свеаборга сведения о готовящемся революционном выступлении солдат и матросов. Получив это известие, большевики созвали совещание, на котором председательствовал Ленин. Совещание обсудило вопрос о руководстве восстанием и приняло постановление, написанное Лениным. Большевики – члены ПК и ЦК были немедленно командированы во все районы города, быстро связались с рабочими организациями и начали готовить забастовку рабочих. В Кронштадт для руководства восстанием были командированы 19 июля тт. Мануильский, член ЦК Иннокентий (Дубровинский), Гусарев и др. работники. Эти товарищи, по словам Мануильского, сделали все возможное, чтобы придать восстанию характер организованной борьбы, они же и до конца событий руководили восстанием. 21 июля по призыву большевиков в течение нескольких часов забастовало около 100 тысяч рабочих. К забастовке примкнули финские железнодорожники, которые еще раньше в ряде мест разобрали железнодорожные пути. Меньшевики предательски срывали организацию забастовки, но большевики, уничтожая препятствия, воздвигаемые предателями, выводили питерских рабочих на борьбу. Для обсуждения вопроса об организации всеобщей забастовки на станции Удельная было созвано совещание Петербургского комитета РСДРП. По-видимому, на совещании присутствовал провокатор, так как не успели собраться участники намеченного совещания, как все 19 человек были арестованы».

Итак, 2 июля 1906 года в Гельсингфорсе состоялось совещание представителей Финляндской военно-партийной организации РСДРП, на котором разрабатывался общий план восстания. В соответствии с этим планом Свеаборг условной телеграммой «отец здоров» должен был дать флоту и Кронштадту сигнал к общему восстанию. Восставший флот в свою очередь должен был ответить Кронштадту и Свеаборгу также условной телеграммой – «отец болен», что означало: «Восстал, иду в Кронштадт». По плану восстания матросы и солдаты должны были сначала захватить Свеаборгскую и Кронштадтскую крепости и корабли. Затем флот должен был частью сил идти в Петербург для поддержки рабочих, а частью – в порты Прибалтики, чтобы поддержать восстания там.

В это же время примерно такой же план вырабатывают и эсеры, с той лишь разницей, что в главе восставшего флота встают не большевики, а они. О планах восстания на Балтийском флоте вскоре стало известно и властям. Контрразведка работала весьма неплохо. После событий 1906 года большевики обвинят в утечке информации эсеров, а те, в свою очередь, большевиков. Как на самом деле стали известны планы восстания охранному отделению, мы так и не знаем. Как бы то ни было, но флотское командование незамедлительно отреагировало на полученную информацию: корабли были рассредоточены по Финскому и Рижскому заливам, многие неблагонадежные матросы списаны с кораблей, команды и караулы усилены проверенными и надежными матросами, а также офицерами и гардемаринами. Помимо этого

команды кораблей были вычищены от неблагонадежных элементов. Надо отметить, что полученная флотским начальством информация о возможном мятеже носила весьма общий характер. Ни об инициаторах восстания, ни о его сроках ничего известно не было. Это затрудняло работу по выявлению зачинщиков.

Однако при этом властям неожиданно повезло. Помощь пришла оттуда, откуда ее меньше всего ожидали. В преддверии мятежа на Балтийском флоте до предела обострились отношения между социал-демократами и эсерами.

Историк С. Найда об этой межклановой схватке пишет так: «Эсеры провоцировали немедленное выступление. В Кронштадте и других местах они начали создавать свои организации под видом контактных и беспартийных организаций, комитетов, центров и т. п., приглашая социал-демократов вступать в эти организации, якобы для объединения действий по подготовке восстания, а в действительности для того, чтобы подчинить социал-демократов своему влиянию, ослабить большевистские военно-партийные и боевые организации. Они действовали как заговорщики, рассчитывая на то, что самое важное в подготовке восстания – тайна, внезапность нападения. Большевики же считали, что если уж идти на восстание, то надо придать ему массовый характер и в решительный момент вызвать на улицу многотысячную массу рабочих. Эсеры считали, что можно обойтись и без этого. Они готовили взрыв и не сочли нужным ни полусловом уведомить социал-демократов о своих затеях. Большевики беспощадно критиковали эсеров, разоблачали их авантюризм перед массами. Отвергнув предложение эсеров войти в беспартийную организацию, большевики с разрешения вышестоящих партийных центров не отказались установить с ними контакт по отдельным вопросам подготовки и проведения восстаний. Этой своей тактикой большевики преследовали задачу не распылять силы революционно настроенных масс и сохранить влияние на них, чтобы в нужный момент удержать их от эсеровской авантюры. В то же время большевики упорно работали в массах, разъясняя им вред и недопустимость неорганизованных бунтов и выступлений. За десять дней до восстания большевики в № 5 газеты «Казарма» писали, что нужны не военные бунты, а переход войск в решительный момент на сторону восставших масс. За три дня до восстания большевики Кронштадта выпустили специальную листовку, в которой предупреждали массы, что нужно приберечь силы для великого дела всеобщего восстания».

8 июля 1906 года Николай II распустил излишне политизированную Первую Государственную думу. Часть депутатов-радикалов разогнанной Думы выехала в Финляндию, где 10 июля приняла «выборгское воззвание», в котором население России призывалось к пассивному сопротивлению – отказу платить налоги и давать новобранцев правительству.

Отметим, что эсеры вначале попытались выступить с большевиками единым фронтом. В Финляндию прибыли их лидеры Евно Азеф и Чернов. И в Гельсингфорсе, и в Кронштадте эсеры предложили конкурентам вступить в соглашение для совместных действий. Но социал-демократы отклонили это предложение, заявив, что у них нет на это согласия вышестоящих партийных органов. Эсеры не отступали, и в конце концов все же была создана некая совместная информационная комиссия, толку от которой в реальности не было никакой. Но и после этого эсеры не успокоились. За несколько дней до восстания в Свеаборге эсеровская военная организация созвала в Гельсингфорсе экстренное совещание, пригласив на него социал-демократов. Представитель эсеров из Кронштадта заявил на совещании, что кронштадтцы, флот, особенно корабли «Цесаревич», «Богатырь» и «Слава», готовы к восстанию и начнут его немедленно и что от свеаборжцев требуется только поддержка. Но представитель большевиков выступил против, заявив, что без санкции ЦК его партии начать восстание нельзя. После долгих споров социал-демократы добились от эсеров заверения, что те не поднимут в Кронштадте восстания раньше, чем это произойдет в Свеаборге, причем представители обеих партий так и не договорились об объединении сил. Готовить восстание они решили независимо друг от друга.

Общее руководство мятежами от партии эсеров на Балтийском флоте осуществлял С.Ф. Михалевич по кличке Ян. В помощь ему отрядили Ф.М. Оникко, по кличке Трудовик. Оба они пользовались среди матросов популярностью, но были чрезмерно эмоциональны, больше доверяли порыву, чувствам, нежели кропотливому, осторожному, повседневному собиранию сил и трезвому учету обстоятельств. Занимались подготовкой мятежей и такие видные деятели партии эсеров, как И.И. Бунаков и В.М. Чернов. Известно, что в агитации матросов активно участвовала особая группа молодых женщин-эсерок. Смысл их «агитации» заключался в том, что дамы влюбляли в себя нужных им авторитетных матросов, которым очень льстило, что они сожительствуют с образованными столичными барышнями.

С конца марта эсеры регулярно предлагали социал-демократам консолидировать усилия, отбросить в сторону идейные распри, объединиться. Те долго сопротивлялись, но после арестов в марте – апреле получили согласие своего ЦК, и 23 апреля была основана объединенная, беспартийная военная организация, которая, увы, оказалась совершенно нежизнеспособной.

Если год назад план восстания охватывал Севастополь и Одессу, то теперь одновременно должны были подняться Кронштадт и Свеаборг, а если повезет, то и Ревель. Роль же детонатора, которая отводилась на Черном море броненосцу «Потемкин», на Балтике должен был сыграть броненосный крейсер «Память Азова». Разумеется, устаревший «Память Азова» не шел ни в какое сравнение с новейшим эскадренным броненосцем «Князь Потемкин-Таврический». Но все дело в том, что на Балтике планы революционеров-террористов были несколько иными, чем год назад на юге России. Если в 1905 году в Одессе расчет делался именно на боевую мощь «Потемкина», то год спустя на Балтике все задумывалось уже несколько иначе.

Итак, костер революции к 1906 году почти затух, но революционерами было решено кинуть туда последние охапки хвороста – вдруг да разгорится! Этими последними охапками хвороста и предстояло стать Балтийскому флоту, а затем и далекому Владивостоку.

Часть первая. Дело «Памяти Азова»

Глава первая. Любимый корабль императора

Среди экспонатов Оружейной палаты Московского Кремля внимание посетителей всегда привлекает небольшая драгоценная шкатулка в виде расколотого яйца Фаберже, внутрь которого вложена миниатюрная копия корабля – золотой крейсер плывет по лазуритовому морю, сверкая бриллиантами иллюминаторов... Экскурсовод всегда пояснит, что так даритель яйца запечатлел для императора Николая II особо любимый им крейсер «Память Азова». Говорят, что до лета 1906 года расколотое драгоценное яйцо неизменно присутствовало на рабочем столе императора, а затем было навсегда передано в хранилище драгоценностей. Согласитесь, что уже одного этого факта достаточно для того, чтобы понять – перед нами корабль с особой историей.

История «Памяти Азова» началась 12 июля 1886 года на Балтийском заводе Санкт-Петербурга, когда там, в присутствии императора Александра III, императрицы Марии Федоровны, греческой королевы Ольги Константиновны и генерал-адмирала Алексея Александровича был заложен очередной броненосный крейсер российского флота.

Назван новый броненосный фрегат был в честь парусного линейного корабля «Азов», отличившегося в сражении при Наварине в 1827 году. За доблесть в сражении линейный корабль «Азов» впервые в истории российского флота был награжден кормовым Георгиевским флагом. В центре Андреевского флага был изображен Георгий Победоносец, поражающий копьём змея. Георгиевский флаг, которым был награжден первый «Азов» за Наваринское сражение, перешел к «Памяти Азова» вместе с именем и хранился на нем как реликвия.

Водоизмещение «Память Азова» составляло 6734 тонн. Основные размеры нового корабля были таковы: длина 115,6 метра, ширина 15,6 метра, осадка 8,2 метра. Мощность механизмов крейсера 5664 лошадиных сил и максимальная скорость хода 16 узлов. Дальность плавания без пополнения запасов угля 3190 миль. Поэтому корабль вполне успешно мог быть использован на океанских просторах. Вооружение броненосного фрегата также было вполне приличным. «Память Азова» имел два 203-мм орудия, 13 – 152-мм пушек, 15 малокалиберных 47-мм и 37-мм орудий. Кроме этого на корабле имелись и три торпедных аппарата. Команда нового броненосного фрегата составила 569 человек.

Спуск крейсера на воду был приурочен к 200-летию ботика Петра I. Он состоялся 20 мая 1888 года в присутствии императора. В церемонии участвовала и команда корабля под командованием капитана 1-го ранга Н.Н. Ломена. Тогда же Александр III избрал «Память Азова» для особой миссии. После соответствующих указаний достроечные работы на фрегате пошли ударными темпами. Одновременно началось и обустройство внутренних офицерских помещений и в особенности адмиральского салона. Никто в точности не знал, почему «Памяти Азова» уделяется столько внимания и почему на оборудование его помещений идут весьма большие деньги. Однако все понимали, что кораблю уготована какая-то особая роль в планах российского императора. Так впоследствии и оказалось. Именно на «Памяти Азова» Александр III решил отправить в кругосветное образовательное морское путешествие своего старшего сына и наследника престола Николая.

Даже у выдавших виды ценителей красоты отделки офицерских помещений вызвала восхищение. И было от чего! Адмиральский зал (в документации указан именно зал, а не салон!) был отделан красным полированным деревом. На стенах над диванами висели огромные зеркала в дорогих бронзовых рамах. Адмиральская приемная была полностью отделана ореховым и полированным деревом. Письменный стол – также орехового дерева, там же сто-

яли волосянные стулья на пружинах и витые сафьяновые вольтеровские кресла. Адмиральская спальня тоже вся была отделана красным полированным деревом, а умывальник выполнен из итальянского мрамора. Кабинет и каюта командира корабля щедро обшиты ореховым деревом. Весьма дорогими сортами деревьев была отделана и кают-компания. Каюты офицеров обшиты тиком. Сама же планировка кают и их количество предусматривали пребывание на корабле большого количества важных особ. На камбузе и в жилой палубе была использована невиданная доселе в русском флоте кафельная плитка. Даже шлюпки «Памяти Азова» имели особые флюгарки с золочеными звездами.

Помимо героического наименования, кормового Георгиевского флага на фрегате было предусмотрено богатое и красочное носовое украшение, какого более не имел ни один корабль императорского флота: орден Святого Георгия в обрамлении георгиевских лент с бантами, императорской короны, лаврового венка и пальмовых ветвей. Эскиз украшения специально разработал летом 1887 года великий российский художник-маринист академик А.П. Боголюбов.

На «Память Азова» отбирали лучших из лучших. Служить на крейсере с самого начала считалось большой честью. Некоторое время его команду вообще комплектовали исключительно офицерами и матросами гвардейского экипажа, и только Русско-японская война впоследствии нарушила эту традицию.

* * *

23 августа 1890 года «Память Азова» вышел в свое первое плавание. По плану кораблю предстояло обогнуть Европу, пройти в Севастополь, чтобы принять там на борт наследника и затем направиться на Дальний Восток. Уже в самом начале похода, на переходе от Плимута до Мальты, корабль попал в сильный шторм. Фрегат благополучно выдержал шторм, уверенно выдерживая 14-узловую скорость, и показал хорошие мореходные качества. «Вообще фрегат оказался крепок и обладает довольно хорошими мореходными качествами в полном грузу, но все-таки короток для форсирования большой океанской волны», – писал командир корабля капитан 1-го ранга Ломен.

Боясь усиления Черноморского флота, турки, однако, отказались пропустить «Память Азова» через проливы, и цесаревичу Николаю пришлось поездом добраться до Пирея, где он и взшел на борт фрегата. Там же в охрану «Памяти Азова» вступил броненосный крейсер «Владимир Мономах» капитана 1-го ранга Дубасова. Пройдя Суэцким каналом, корабли взяли курс на Цейлон.

В октябре крейсер стал на якорь в гавани Бомбея, и цесаревич сошел на берег, где его ждала 42-дневная программа развлечений. Затем был переход в Японию. Там, в ходе посещения Киото, фанатичный самурай Тсудо Санцо совершил покушение на наследника российского престола. Получив ранение головы мечом, Николай записал в своем дневнике: «Я нисколько не сержусь на добрых японцев за отвратительный поступок одного фанатика».

Прибыв затем во Владивосток, цесаревич заложил железнодорожный вокзал и отправился в Петербург через Сибирь. Прощание Николая с офицерами и командой крейсера было очень теплым. Человек, совершивший большое плавание на корабле, навсегда роднится с ним. Спросите у бывалых моряков, и они с теплотой вспомнят корабли, на которых им пришлось на долгие месяцы, а то и годы уходить в океан. Именно поэтому будущий император Николай проникся к «Памяти Азова» особой любовью.

Одновременно с убытием цесаревича на «Памяти Азова» во Владивостоке произошла и смена командиров. Вместо внезапно заболевшего Ломена в командование вступил капитан 1-го ранга Бауер. В те же дни в честь состоявшегося полукругосветного плавания цесаревича

фирма Фаберже по заказу Александра III изготовила два пасхальных яйца с миниатюрными моделями крейсера внутри.

На Пасху 1891 года Александр III подарил своей супруге Марии Федоровне одно из двух изготовленных пасхальных яиц с «секретом». Этим секретом была 5-сантиметровая моделька «Памяти Азова» внутри яйца. Второе яйцо, по возвращении домой, получил и сам Николай.

Стараясь загладить негативное впечатление от покушения самурая, по повелению японского императора для наследника русского престола японскими мастерами была сделана и модель «Памяти Азова» из черепаховой кости. Ее отправили в Петербург на крейсере «Адмирал Нахимов».

Осенью того же года в ходе инспекторского смотра крейсера «Адмирал Нахимов» в Кронштадте «государь изволил приказать принять подношение». Ныне эта уникальная модель хранится в фондах Центрального музея Военно-морского флота. Будучи в музее и знакомясь с реликвиями запасников, я в свое время познакомился и с этой моделью, которая не может не поразить уникальностью работы.

Став императором, Николай II никогда не забывал «Память Азова». При случае он всегда с удовольствием бывал на «своем» (как он его называл) корабле, прекрасно лично знал не только его офицеров, но и старослужащих матросов. Особенно любил император фотографироваться у знаменитого бронзового двуглавого орла, размещенного над кормовым мостиком крейсера. Не зря на флоте «Память Азова» неофициально называли «государевым кораблем». При этом азовцы, а вслед за ними и все остальные моряки именовали свой корабль «Память Азова», с ударением в слове «Азов» на первом слоге. Это считалось особым шиком. Вообще на «Памяти Азова» было много особых традиций, касающихся и манер поведения и атрибутики – особые браслеты и перстни у офицеров, серьги и кольца у матросов. Фирменный перстень с монограммой «Памяти Азова» многие годы носил и сам император.

Что касается «Памяти Азова», то после убийства цесаревича фрегат весь следующий год провел в плаваниях по Дальнему Востоку. В мае 1892 года в командование кораблем вступил капитан 1-го ранга Чухнин. Тогда же корабль был по новой классификации переименован из фрегата в крейсер. Летом 1892 года он привел корабль обратно на Балтику. На обратном пути «Память Азова» принял участие в международных торжествах в честь 400-летия открытия Америки в испанском Кадисе. В середине октября 1892 года, завершив свое первое полукругосветное плавание, корабль прибыл в Кронштадт, где и встал в послепоходный ремонт.

21 августа 1893 года крейсер вышел из Кронштадта на соединение со Средиземноморской эскадрой. Местом дислокации Средиземноморской эскадры был греческий порт Пирей, откуда корабли уходили для посещения разных портов Средиземноморья. В остальное время в исторической Саламинской бухте или на рейде острова Порос занимались повседневной боевой подготовкой и корабельными учениями. Эта служба для «Азова» продолжалась до конца 1894 года.

22 ноября 1894 года крейсер покинул Пирей, чтобы передислоцироваться на Дальний Восток. Срочность отплытия была такова, что судовой праздник, день святого Георгия, приходившийся на 26 ноября, команде пришлось отмечать в пути. По пути к новому месту службы корабль поочередно вел на буксире два вновь построенных минных крейсера – «Всадник» и «Гайдамак».

6 февраля 1895 года «Память Азова», завершив второе плавание на Дальний Восток, пришел в Нагасаки, где на нем подняли флаг командующего Тихоокеанской эскадрой вице-адмирала П.П. Тыртова. В силу предписанных японским правительством правил, эскадра была разбросана по различным портам Японии. В Нагасаки стояли крейсера «Память Азова» и «Владимир Мономах». 6 апреля к ним присоединился флагманский корабль эскадры Средиземного моря броненосец «Император Николай Первый» под флагом контр-адмирала С.О. Макарова.

В конце апреля корабли эскадры начали сосредотачиваться в китайском порту Чифу. Ввиду уведомления о возможном начале боевых действий со стороны Японии эскадра готовилась к сражению. Был издан революционный для флота приказ о немедленном окрашивании кораблей в защитный «светло-серый цвет». Командиры использовали эту возможность, чтобы подобрать наиболее эффективный цвет окраски. Крейсер «Память Азова» был окрашен в розовато-серый цвет под тон цвета местности, в результате чего не только ночью, но и вечером и рано утром корабль совершенно сливался с морем. Тогда же эскадры Тыртова и Макарова впервые вышли в море для отработки эскадренных эволюций. Крейсер «Память Азова» возглавлял правую колонну, в которой шли крейсера «Адмирал Корнилов» и «Рында».

Вскоре Япония отказалась от претензий на Ляодунский полуостров. С наступлением разрядки в обстановке Тихоокеанская эскадра покинула Чифу. 29 июня «Память Азова» под флагом вице-адмирала Тыртова ушел во Владивосток. На долгие годы крейсер стал главной ударной силой Тихоокеанского флота. За это время он успел пережить четверых командующих флотом (вице-адмирала Тыртова, контр-адмирала Алексеева, контр-адмирала Дубасова и вице-адмирала Гильдебрандта) и трех командиров (капитанов 1-го ранга Чухнина, Вирениуса и фон Нидермиллера).

Главным событием этого времени стала передача в 1898 году русскому флоту Порт-Артура; в числе первых кораблей в новый порт прибыл и «Память Азова». Именно он своим салютом приветствовал Андреевский флаг, который 16 марта на мачте Золотой Горы поднял великий князь Кирилл Владимирович. В Порт-Артуре крейсер простоял всю весну и лето, после чего, после нормализации обстановки, возобновил стационарную службу в других портах.

В конце 1899 года крейсера на Тихом океане сменили броненосцы, и «Память Азова» решено было вернуть на Балтику. 28 ноября крейсер вышел из Владивостока и в следующем году с открытием весенней навигации встал на рейде Кронштадта.

В 1900 году решено было перевооружить корабль, заменив котлы и освободив их от уставшей магистральной трубы водоотливной системы. Летом 1901 года крейсер в качестве флагмана Учебного артиллерийского отряда принимает участие в показательных маневрах флота.

Особый статус корабля обеспечивал блестящую карьеру и его командирам. Практически все командовавшие «Памятью Азова» до событий лета 1906 года офицеры впоследствии вышли в адмиралы. Первый командир крейсера Н.Н. Ломен сразу же по восшествии на престол Николая II станет его флаг-капитаном и контр-адмиралом. Следующим командиром крейсера стал известный в будущем флотоводец, командующий Черноморским флотом вице-адмирал Г.П. Чухнин. Именно Чухнину выпадет нелегкая доля усмирять в 1905 году мятежи на «Потемкине» и «Очакове». До трагических событий на своем родном корабле он не доживет, став жертвой террориста. Адмиральские эполеты надел впоследствии и следующий командир «Памяти Азова» В.А. Вирениус. Еще одним командиром «Памяти Азова» был и А.Г. Нидермиллер. Затем Нидермиллер был первым командиром новейшего эскадренного броненосца «Бородино». Впоследствии он исполнял обязанности начальника Главного Морского штаба, а в 1908 году был уволен с чином вице-адмирала. После революции находился в эмиграции и умер в 1937 году. На «Памяти Азова» в 1895–1897 годах служил старшим офицером и Евгений Александрович Трусов – будущий командир броненосного крейсера «Рюрик», героически погибший в бою с японскими крейсерами 1 августа 1904 года.

С началом Русско-японской войны «Память Азова» под командованием капитана 1-го ранга Сильмана был предварительно включен в состав 3-й Тихоокеанской эскадры, но техническое состояние крейсера не позволило крейсеру быстро закончить ремонт, и по этой причине он не участвовал в трагическом Цусимском сражении. Нам нетрудно предположить судьбу корабля, дойди он до Цусимского пролива, но она в тот раз уберегла любимый корабль императора.

В 1904 году крейсер встал на капитальный ремонт, в ходе которого на Франко-Русском судостроительном заводе ему были заменены котлы и паротрубопроводы, установлены две мачты вместо трех и оборудование для ведения с корабля минных поставок. Отныне крейсер уже не нес никаких парусов, став полностью паровым кораблем.

Так как после поражения в войне у нас на Балтике практически не осталось флота, выйдя из капитального ремонта в 1906 году, крейсер приступил к усиленной боевой подготовке в составе учебно-артиллерийского отряда.

* * *

Что же представлял собой в 1906 году командный офицерский состав, находившийся на борту «Памяти Азова»?

Свой брейд-вымпел на крейсере в это время держал командир учебно-артиллерийского отряда капитан 1-го ранга Н.Д. Дабич, потомок сербских переселенцев. Это был опытный офицер. Всю Русско-японскую войну он достойно командовал броненосным крейсером «Громобой» и в бою с эскадрой Камимуры получил 17 ранений (более 100 мелких осколков в теле!).

Из личного дела командира учебно-артиллерийского отряда капитана 1-го ранга Дабича: «Участвовал в бою с эскадрой японского адмирала Камимуры 1 августа, во время которого получил... три поверхностных раны правого виска, три на темени, ушиб правого глаза, рану покрова груди, глубиной в три поперечных пальца, идущую от мечевидного отростка вправо вниз, ушибленную рану нижней трети передней поверхности левого предплечья в два поперечных пальца в окружности, рану в области второго межплюсневых промежутка левой стопы, проникающую в толщу мягких частей, ушибленную рану задней поверхности голени в три поперечных пальца в диаметре, несколько мелких ранок левого бедра, поверхностные раны под углами правой лопатки и левого подреберья. Во второй раз в этом же бою получил рану спины около позвоночника на четыре поперечных пальца ниже лопаток, рана глубокая идет в толщу мышц до ребер. Одновременно с последней раной получил ушиб покровов груди и живота».

Из ноябрьского выпуска 1904 года «Иллюстрированной летописи Русско-японской войны»: «На “Громобое” общий восторг возбуждало геройское поведение командира капитана 1-го ранга Дабича. С начала боя он стоял открыто на верхнем мостике; будучи ранен в спину, он сейчас же после перевязки вновь вступил в командование. По настоянию окружающих, он занял теперь место в боевой рубке, не прошло нескольких минут, как разорвался около боевой рубки снаряд, осколки снизу отразились на выступающие края крышки броневой рубки и влетели внутрь через один из просветов, устроенных для наблюдения за горизонтом. Этими осколками были убиты находившийся в рубке лейтенант Болотников и оба рулевых, ранены лейтенанты Вилькен и Дьячков и ранен вновь в грудь и голову капитан 1-го ранга Дабич... Во время перевязки Дабич узнал, что вторичная его рана удручающе повлияла на команду. Поэтому, несмотря на сильную слабость, сейчас же после перевязки Дабич пошел по палубам и казематам, показывая, что он жив, ободряя их словами: “Смотрите, я жив, братцы. Бейте японца, не жалейте”. Громовое “ура” сопровождало командира по всему кораблю».

4 августа 1904 года капитан 1-го ранга Дабич был уволен в четырехмесячный отпуск по болезни. За заслуги, проявленные в этом бою, он был награжден флигель-адъютантским аксельбантом, а также орденом Святого Георгия 4-й степени «за отличную храбрость, мужество и самоотвержение, проявленные в бою Владивостокского крейсерского отряда с неприятельской эскадрой 1-го августа 1904 года». Профессор медицины П.И. Ковалевский, лечивший Дабича, позднее вспоминал, что он «был искалечен физически», «получил контузии внутренних органов и более 100 осколков в теле». Честно говоря, для меня удивительно, что еще до конца не выздоровевший офицер-калека возглавил учебно-артиллерийский отряд, т. е. был назначен на контр-адмиральскую должность, что следует расценивать как награду за его

подвиги на войне. Возможно, в этом была и острая служебная необходимость, т. к. подготовку корабельных артиллеристов следовало как можно быстрее перестраивать, исходя из уроков Русско-японской войны, и сделать это могли только непосредственные участники войны.

Флаг-капитан командира учебно-артиллерийского отряда капитан 1-го ранга Петр Воинович Римский-Корсаков являлся представителем знаменитой российской морской династии, сыном контр-адмирала. В 1904 году он был назначен командиром вспомогательного крейсера «Дон», который должен был перехватывать японские транспорты в Атлантике. Однако операция, еще не начавшись, была отменена Николаем II, во избежание осложнений с Англией.

Флагманский артиллерист учебно-артиллерийского отряда лейтенант В.А. Унковский был из порт-артурцев. Весьма достойно воевал с японцами, встретив начало войны вахтенным офицером на броненосце «Полтава». Впоследствии командовал десантной ротой в окопах Порт-Артура. За отражение штурма на батарею «литера Б» был награжден Анной 4-й степени «за храбрость», защищал знаменитый Куропаткинский люнет, лично водил матросов в штыковые атаки, за что был удостоен Георгиевского креста. Во время боя на Высокой горе был тяжело контужен японским снарядом и отправлен в госпиталь. За бои на Высокой награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. После контузии у В.А. Унковского отнялись ноги. К моменту нахождения на «Памяти Азова» Унковский испытывал сильные боли в ногах, на которых едва передвигался, являясь, по существу, инвалидом.

Командиром «Памяти Азова» в 1906 году был капитан 1-го ранга Александр Григорьевич Лозинский. В молодости Лозинский был выдающимся энтузиастом миноносного судостроения. Командуя строившимся миноносцем «Сестрорецк», он дал пример его практического усовершенствования и составил обширные рекомендации о мерах по развитию миноносной отрасли. Кроме этого Лозинский серьезно увлекался химией и даже был составителем курса органической химии и руководства для минных школ. Участвовал в нескольких плаваниях на Дальний Восток. Моряком он был отличным. Только старшим офицером на крейсерах и броненосцах Лозинский отслужил одиннадцать лет! На броненосном крейсере «Адмирал Нахимов» А.Г. Лозинский в 1900 году участвовал в событиях в Китае.

Старший офицер крейсера капитан 2-го ранга Георгий Николаевич Мазуров также был опытным боевым офицером. В 1892–1895 годах он совершил заграничное плавание на крейсере «Рында». В 1900–1901 годах, в должности артиллерийского офицера крейсера «Адмирал Нахимов», Георгий Николаевич принимал участие военных действиях в Китае. Во время Русско-японской войны, в должности вахтенного начальника крейсера «Адмирал Нахимов», Г.Н. Мазуров участвовал в походе 2-й Тихоокеанской эскадры. Во время перехода 17 апреля 1905 года был произведен в чин капитана 2-го ранга. 14–15 мая 1905 года Мазуров участвовал в Цусимском сражении и был ранен. После гибели крейсера был спасен из воды японским вспомогательным крейсером «Садо-мару» и взят в плен. После окончания войны Г.Н. Мазуров являлся членом комиссии для производства теоретического экзамена чинам учебно-артиллерийского отряда Балтийского флота, командовал миноносцем № 102. Затем он был переведен на должность старшего офицера крейсера «Память Азова». Помимо непосредственной служебной деятельности занимался увековечиванием памяти погибших – составлял списки для храма-монумена «Спас-на-водах» в Петербурге.

Российский флот переживал в ту пору нелегкие времена. Трагедия Порт-Артура и особенно Цусимы негативно отразились на моральном состоянии моряков. Морской офицерский корпус России в целом и офицерский состав «Памяти Азова», в частности, находился в подавленном состоянии. Из-за резкого сокращения боевого состава многие офицеры были вынуждены уйти в отставку, так как им просто не на чем было служить. Среди матросов царило разочарование как в своих начальниках, так и во власти в целом. На фоне этого в матросскую среду стали проникать всевозможные революционеры. Назревали события, каких еще никогда ранее не было на Балтийском флоте.

Глава вторая. Что нам говорят историки?

Как и все без исключения революционные события, мятеж на «Памяти Азова» был впоследствии залегендирован. Многое происшедшее на нем было «переосмыслено» в угоду времени и конъюнктуре, вследствие чего истинные герои стали негодяями, а негодяи – героями.

Вот как возвышенно описывали начало мятежа на «Памяти Азова» в советское время: «Объявив команде свое решение, штаб поднял над крейсером красный флаг. Раскаты громового “ура” пронесли над рейдом. Многие матросы плакали от счастья. Флаг осветили бортовым прожектором, и он переливался в лучах голубоватого света. И когда на заре на горизонте всплыло багровое, будто дымное солнце, оно было почти одного цвета с этим флагом...» Попробуй-ка написать лучше!

Не последнюю роль в этом сыграл наиболее авторитетный в 40–50-х годах XX века историк революционного движения в русском флоте генерал-майор С. Найда. Вот как описано С. Найдой восстание на «Памяти Азова» в его главном труде «Революционное движение в царском флоте»: «На крейсере “Память Азова” и минном крейсере “Абрек” существовали подпольные социал-демократические организации, на других кораблях были представители социал-демократической организации, и везде имелись группы революционных матросов. Команды кораблей были однородны как по сроку службы, так и по классовому составу. На крейсере “Память Азова” из 700 человек команды было только 200 матросов постоянного состава, в том числе часть сверхсрочников, 500 учеников явились переменным составом. Матросы постоянного состава почти все, за исключением некоторых сверхсрочников, были вовлечены в революционное движение. На сверхсрочную службу обычно оставались младшие и старшие унтер-офицеры и боцманы, пришедшие во флот из деревни. Сверхсрочнослужащие пользовались рядом льгот и в материальном отношении были обеспечены удовлетворительно. Это ставило их в привилегированное положение. Наконец, занимая низшие командные должности, они в массе были враждебны революционному движению и являлись опорой реакционного офицерства. На других учебных кораблях состав команд был примерно такой же.

Революционная пропаганда среди кадровой (постоянной) части команд велась еще с 1905 года. Пропаганду среди молодых учеников и новобранцев в 1906 г. вели сами же матросы, а на берегу им оказывали помощь местные партийные организации РСДРП и особенно Ревельская, действовавшая через подпольную военно-партийную организацию крейсера “Память Азова”. В состав организации на корабле “Память Азова” входили артиллерийский квартирмейстер Лобадин, баталер Гаврилов, гальванер Колодин, минер Осадский, комендоры Кузьмин, Катихин, Болдырев, Ширяев, Пинкевич и др. Признанным руководителем матросов и до, и во время восстания был Лобадин. Всех революционных матросов на корабле объединял подпольный судовой комитет, во главе которого стояли Лобадин и другие большевики. Но были на крейсере “Память Азова” и эсеры, и эсерствующие. Правда, организация эсеров и влияние ее среди команды крейсера были невелики, но эта небольшая группа, получая директивы от эсеровских комитетчиков, толкала матросов на бунт, нарушения дисциплины и преждевременное восстание. Постоянным представителем и связным от Ревельского комитета РСДРП и его военной организации с матросами отряда учебных кораблей был большевик-подпольщик Арсений Коптюх (он же Оскар Минес, Степан Петров, и он же Рязанов)...»

Уже в 1905 году революционеры попытались вызвать бунт на «Памяти Азова» своим излюбленным приемом – создать инцидент на почве некачественной пищи. Мичман Николай Крыжановский, офицер крейсера «Память Азова», в своем описании восстания на корабле упоминает, что в один из дней командир снял пробу с борща, он оказался отличным, но буквально через несколько минут явились представители команды с баками, в которых была несъедобная гадость. Крыжановский рассказывает, что после событий на броненосце «Потемкин»

качество пищи всегда было под особым контролем, и что негласным путем выяснилось, что какую-то химию в борщ подлили члены судового революционного комитета. Но командир крейсера на провокацию отреагировал правильно, матросы были накормлены и инцидент был исчерпан. Заговорщики затаились до лучшего времени.

Под руководством неугомонного Коптюха и его товарищей из Ревельской организации РСДРП в июне и июле 1906 года матросы отряда учебных кораблей устраивали на берегу сходки, митинги и собрания; посещали рабочие митинги и собрания; получали на берегу нелегальную литературу и широко распространяли ее на кораблях. Коптюх, руководя агитационно-пропагандистской работой среди матросов, по указанию Ревельского комитета РСДРП готовил восстание на кораблях. Подготовка шла быстрыми темпами. Матросы, руководствуясь указаниями Коптюха, разрабатывали планы захвата кораблей и создали законспирированные боевые дружины, которые должны были сыграть решающую роль в первый момент восстания и быть опорой в дальнейшем.

Рост стихийных одиночных выступлений в этот период являлся показателем растущих в массе матросов возбуждения и недовольства. Это понимали и офицеры. Особенно насторожиться заставил их имевший место в середине июня демонстративный отказ команды крейсера «Память Азова» от плохого обеда. Чтобы лишить матросов возможности еще раз выступить с протестом по поводу плохой пищи, командир корабля капитан 1-го ранга Лозинский разрешил матросам избрать артельщиков, которым и было поручено питание команды. Чтобы «не позорить честь корабля», командир корабля и офицеры решили сделать вид, что они не придают большого значения столкновению с командой, и пытались даже скрыть факт от вышестоящего начальства, но втайне начали зорко следить за матросами, надеясь раскрыть революционную организацию. Однако о выступлении матросов стало все же известно. В № 8 газеты «Мысль» от 28 июня 1906 г. была помещена заметка, в которой сообщалось, что на корабле произошел бунт и что для наведения порядка прислан батальон Новочеркасского полка.

Командир корабля написал рапорт начальнику учебно-артиллерийского отряда и просил привлечь редактора газеты к ответственности за ложные сведения. Начальник отряда в свою очередь направил рапорт морскому министру. А в министерстве о напряженном положении на кораблях знали от осведомителя охраны кондуктора Лавриненко, который сумел проникнуть в подпольную организацию крейсера «Память Азова».

Если командование отряда стремилось избавиться от революционных матросов втихомолку, путем списания с кораблей наиболее видных организаторов, чтобы затем арестовать их уже на берегу, то в министерстве, очевидно, стояли за массовые и открытые аресты. В начале июля с крейсера «Память Азова» списали минера Жадского. Матросы поняли, что это не случайное списание, и оказали сопротивление. Только вмешательство в конфликт всех офицеров дало возможность увезти его с корабля. Новое выступление уже нельзя было объяснить так, как объясняли случай отказа от обеда. К морскому министру полетели шифрованные телеграммы. Располагая сведениями о подготовке восстания на Балтике и в Финляндии, министр решил, что пришло время для рассредоточения флота, перегруппировки команд, арестов неблагонадежных, укрепления кораблей гардемаринами и т. д. Для проведения этих мероприятий министр выехал на флот и 14 июля 1906 года устроил смотр учебно-артиллерийскому отряду.

После «смotra» командование Балтийского флота рассредоточило весь флот, и в том числе корабли учебного отряда направило в бухту Папонвик и другие места с целью, по возможности, изолировать их друг от друга, а команды оградить от влияния агитаторов. Учебный корабль «Рига» был оставлен в Ревеле. Заподозренным в политической неблагонадежности, как, например, Лобадину, под разными предлогами запретили увольнение на берег. Усилили надзор, запретили встречи между матросами разных кораблей. Эти меры чрезвычайно затрудняли связи революционеров различных кораблей. Стало труднее собираться на кораблях, ухудшилась связь с Ревелем. На наиболее подготовленном к восстанию крейсере «Память Азова»

работа подпольщиков усложнялась еще и тем, что крутые меры командования взволновали часть матросов. Менее сдержанные могли выступить при малейшем толчке.

18 июля, в 10 часов вечера, баталер Гаврилов (один из участников подпольной организации на корабле) получил условную телеграмму о восстании в Свеаборге и сообщил ее содержание руководителю организации Лобадину. Телеграмма поставила азовцев в трудное положение. Из директив Ревельского комитета РСДРП они знали, что время для восстания не созрело; на учебных кораблях не была закончена подготовка к восстанию, и работу эту отчасти расстроил перевод кораблей из Ревеля. Азовцы приняли решение: от восстания воздержаться до выяснения обстановки, проверки фактов и подтверждения указаний о необходимости восстания от ревельской организации РСДРП. А в это время из Ревеля уже спешил к азовцам посланный Ревельским комитетом РСДРП Арсений Коптюх. Узнав, что в Ревель из бухты Папонвик пришел за провизией минный крейсер «Абрек», Коптюх переоделся в матросскую форму и с помощью подпольщиков проник на корабль.

Вечером 19 июля «Абрек» пришел в бухту Папонвик и начал разгружать провизию для кораблей отряда. Вместе с матросами с «Памяти Азова», доставлявшими провизию на свой корабль, Коптюх перешел на крейсер, чтобы передать сообщение о начавшемся восстании в Свеаборге. Около 10 часов вечера 19 июля Лобадин и Коптюх в таранном отделении крейсера собрали заседание судового комитета и актив революционных матросов. Из материалов следствия и суда видно, что на этом заседании было около 50 человек. Коптюх сообщил, что в Свеаборге началось восстание, и поставил на обсуждение вопрос о восстании на кораблях учебно-артиллерийского отряда. Около часа ночи кто-то из присутствовавших внес предложение перейти в другое место, так как в таранном отделении от большого скопления людей стало трудно дышать. Предложение приняли и по группам начали выходить. Ученик Тильман, знавший о заседании, отправился в это время с доносом о происходящем собрании. Он сообщил также, что среди матросов находится посторонний человек.

По приказанию старшего офицера, капитана 2-го ранга Мазурова, на корабле начался обыск. Матросы быстро разошлись по кубрикам и легли в койки. В таранном отделении старший офицер застал еще нескольких матросов и переписал их. Потом начался обыск в жилой палубе. Коптюх лежал на койке с матросом Козловым. Здесь Мазуров и обнаружил его. На вопрос, кто он такой, Коптюх ответил: кочегар № 122. Такого номера по расписанию не было, и это сразу его выдало. Старший офицер приказал арестовать Коптюха. У него нашли браунинг и патроны. Начальник отряда кораблей, капитан 1-го ранга Дабич и командир корабля Лозинский учинили ему допрос, но, ничего не добившись, решили утром отправить его на крейсере «Воевода» в ревельскую охранку.

Обыск на корабле и арест Коптюха вызвали сильное возбуждение среди революционной части команды. По инициативе Лобадина, Пинкевича, Кузькина и Осадчего наскоро был разработан план выступления. Во главе восстания стал Лобадин. По его приказанию минный машинист Осадчий остановил динамо-машину. Когда на корабле погас свет, группа матросов сняла часового, захватила несколько винтовок и ящик с патронами. Офицеры, поняв, что началось восстание, тоже бросились к винтовкам и начали их сносить в кают-компанию. Им помогали кондукторы. Однако у многих винтовок не оказалось затворов.

«...Мазуров пошел к матросам, надеясь успокоить их. – Кто меня любит, – заявил он, – иди ко мне. Брось бунтовщиков! – Мазуров надеялся, что матросы по-старому заявят: “Вы наши отцы, мы ваши дети”. Но изменились времена, прозрел матрос. На зов Мазурова раздались крики: “Кто вас любит? Изверги! Кровопийцы! Злодеи!..” Началась суматоха».

В это время основная группа восставших матросов по приказанию Лобадина собралась на верхней палубе, и восставшие перешли в наступление. Около двух часов ночи на корабле затрещали выстрелы. Во время перестрелки был убит предатель Тильман, стоявший на посту у ванной комнаты, где сидел арестованный Коптюх, тяжело ранен и вскоре умер вахтенный

начальник мичман Зборовский, убиты: инженер-механик подполковник Максимов, врач Соколовский, лейтенант Македонский и ранены: старший офицер Мазуров и иеромонах Клавдий, командир корабля капитан 1-го ранга Лозинский и лейтенанты Вердеревский и Селитренников.

Дружное и смелое выступление матросов вызвало подъем среди революционно настроенных матросов и посеяло панику среди офицеров и их приспешников. Начальник отряда Дабич приказал офицерам развести пары на баркасе и вместе со своим флаг-капитаном Римским-Корсаковым 1-м, частью здоровых и раненых офицеров (Лозинским, Вердеревским, Селитренниковым и др.) перешел на баркас и на предельной скорости ушел в море. Не успели бежать пять офицеров, в том числе старший офицер Мазуров. Матросы разоружили и арестовали их. В погоню за бежавшими матросы снарядили паровой катер, посадив на него 10 человек вооруженной команды и поставив 37-мм пушку. В перестрелке на баркасе были убиты командир крейсера капитан 1-го ранга Лозинский и мичман Погожин и ранен лейтенант С.И. Унковский. Вскоре, однако, погоню пришлось прекратить. По одним данным, катер матросов сел на мель, по другим – старший на катере фельдфебель Старостин намеренно дал задний ход, объяснив, что сел на мель. Воспользовавшись заминкой, преследуемые скрылись.

В это время на корабле уже взвился красный флаг, и люди собрались на митинг. Лобадин представил Коптюха как представителя Ревельского комитета РСДРП. По предложению Коптюха и Лобадина восставшие решили рано утром 20 июля поднять на восстание команды минных крейсеров «Абрек» и «Воевода» и миноносцев и вместе с ними двинуться в Ревель. В Ревеле, говорил Коптюх, прибытие кораблей явится сигналом к выступлению рабочих. На помощь рабочим матросы высадят десант, а с помощью рабочих получают провизию, и вместе будут продолжать борьбу. В случае если корабли не примкнут к восстанию, было решено также идти в Ревель. Решение о походе в Ревель было правильным. Ревельский комитет РСДРП не только послал к «азовцам» Коптюха, но, чтобы объединить силы для общего удара, сделал все возможное, чтобы по прибытии восставших кораблей в Ревель оказать им поддержку пролетариата и всех других революционных элементов, боровшихся за свержение самодержавия. Накануне восстания на крейсере «Память Азова» в Ревеле происходили бурные митинги рабочих. 17 июля рабочие угрожали полиции приходом в Ревель матросов. Власти готовились ко всяким неожиданностям. Полиция и войска были приведены в боевую готовность.

Ревельский комитет РСДРП считал необходимым при наличии неблагоприятных условий на кораблях или неблагоприятном развитии событий в Свеаборге не подымать восстания и приберечь силы к выступлению, когда этого потребует политическая обстановка в стране. Поэтому Коптюху были даны соответствующие указания. Любое решение Коптюха для матросов «Памяти Азова», шедших за социал-демократами, было обязательным (?!). И когда восстание стало фактом, большевик Коптюх стал во главе его и руководил им до конца. После побудки (хотя никто в эту ночь не спал) вестовые матросы собрали на митинг всю команду корабля – около 700 человек. Лобадин призывал всех, кто ночью не принимал участия в борьбе, активно поддержать восстание. Коптюх рассказал о положении в стране и о восстании в Свеаборге. По его предложению матросы избрали комитет из 12 человек: 11 матросов и его, Коптюха. Во главе комитета стал Лобадин, человек огромной силы воли и больших способностей. Он же фактически стал и командиром крейсера.

В бухте Папонвик на виду у крейсера «Память Азова» стоял минный крейсер «Воевода». Невдалеке за островом стояли остальные корабли эскадры: минный крейсер «Абрек», миноносцы «Послушный», «Ретивый», № 102, № 106, № 107; учебный корабль «Рига» был в это время в Ревеле. Азовцы вначале решили поднять восстание на минном крейсере «Воевода».

В 6 часов утра «Память Азова» снялся с якоря и поднял сигнал «Воеводе» следовать за ним. Минный крейсер «Воевода» снялся с якоря с приготовленными к атаке торпедными аппаратами и начал разворачиваться в сторону «Памяти Азова». Но, как видно, офицеры «Вое-

воды» не решились что-либо предпринять против азовцев, ибо команда «Воеводы» не внушала доверия офицерам, поэтому они приготовились выброситься на берег, чтобы тем самым не дать возможности восставшим захватить крейсер и использовать в революционных целях. Заметив подозрительные приготовления «Воеводы», азовцы направили на него орудия и подняли сигнал: «Стать на якорь». Но задуманный командиром «Воеводы» план предотвратить не удалось. Корабль выбросился на берег, и офицеры окончательно привели его в негодность: испортили трубопроводы и машины, открыли кингстоны и краны затопления; команду же поспешно свели на берег.

Командир «Абрека», узнав о восстании на крейсере «Память Азова», поднял на ноги офицеров и надежную часть команды. Он приказал следить за матросами и усилить охрану оружия. Утром командир собрал матросов и спросил, останутся ли они верными долгу присяги и будут ли выполнять любое его приказание. Матросы угрюмо молчали, выжидая, несомненно, момента для присоединения к «азовцам». Командир принял это молчание за угрозу и решил поступить так же, как поступил командир «Воеводы».

С «Памяти Азова» подняли «Абреку» и миноносцам сигнал: «Следовать за мной», что было призывом к восстанию. В ответ с «Абрека» подняли сигнал: «Ясно вижу», и в то же время по приказанию командира корабль на полном ходу выбросился на берег. Команду его под конвоем увели в лес. Восстания на миноносцах также не произошло. Крейсер «Память Азова» сделал по миноносцам несколько выстрелов из орудий, после чего ушел в Ревель.

Азовцы не знали, что произошло за последнюю ночь на берегу, но они верили в успешный исход борьбы. Во время похода они по радиотелеграфу вызывали минный отряд, базировавшийся на Гельсингфорс, вызывали броненосец «Слава», думая, что и там началось восстание, но на их вызовы не отвечали. Идя в Ревель, азовцы надеялись поднять восстание на учебном корабле «Рига» и установить связь с рабочими. В пути комитет обсуждал план, как лучше и вернее этого добиться.

Уже в это время восставшие совершили ряд ошибок. Они избрали комитет, но не избрали единоначальника, командующего. Подняв восстание и посадив под арест оставшихся на корабле офицеров, они оставили на свободе контрреволюционно настроенных кондукторов. Не учли они также, что в составе команды корабля было много колеблющихся и частью даже враждебных восстанию элементов. Ошибкой было и то, что вместо офицеров командирами боевых частей и служб не были назначены верные революции люди; службу несли люди по своей инициативе, а на некоторых боевых постах командовали контрреволюционно настроенные кондукторы: Рудаков, Пленков, Левичев и предатель Лавриненко, выдававший себя за революционера. Восставшие, по существу, растворились среди колеблющихся и явно враждебных элементов. А главное, они недооценивали своих сил в управлении кораблем и переоценивали знания офицеров. Для усиления авторитета комитет предложил Коптюху надеть форму мичмана (?!). Коптюх согласился и переоделся в форменную одежду мичмана.

Ошибки революционеров использовали кондукторы, оставшиеся на корабле офицеры и другие контрреволюционные элементы. Кондукторы связались с офицерами и по их совету исподволь повели разлагающую агитацию среди колеблющейся переменной части команды. Вскоре результаты контрреволюционной агитации сказались: среди части матросов началось глухое брожение. Член комитета Баженов сообщил об этом Лобадину, Коптюху и другим членам комитета, находившимся в боевой рубке. Тогда комитет собрал на баке не занятых по расписанию матросов. Собрание уже подходило к концу (был час дня), как вдруг на горизонте был замечен учебный корабль «Рига».

«Память Азова» лег на курс «Риги». Азовцы не знали, что командир Ревельского порта, не веря в благонадежность команды «Риги», приказал командиру корабля предельным ходом идти в Либаву, избегая встречи с восставшим крейсером. Погоня за «Ригой» продолжалась с часу дня до половины четвертого и оказалась безрезультатной. «Рига», имея более быстрый

ход, оставила восставший крейсер далеко позади себя. Это был тяжелый удар. Столько надежд возлагали на крейсере на этот корабль, и вдруг план рушился! Контрреволюционным же элементам уход «Риги» был на руку, и они усилили свою агитацию.

В 5 часов вечера 20 июля крейсер «Память Азова» стал на якорь в Ревельском порту. К этому времени контрреволюционеры успели испортить орудия и привлечь на свою сторону часть команды. С подходом к Ревелю, как никогда, требовалась активная организационная деятельность комитета и всех восставших, члены же комитета без конца совещались. Это была еще одна крупная ошибка восставших.

В 6 часов вечера кондукторы-заговорщики Давыдов и Огурцов подняли мятеж. Гаврилов доложил Лобадину, что многие матросы из переменной части команды вооружаются винтовками. Лобадин приказал дудкой вызвать кондукторов наверх. Дудку дали, но она стала сигналом к мятежу. На корабле началась перестрелка.

Газета «Казарма» так описывала это побоище и конец восстания: «Перед Ревелем на корабле произошла схватка, тут были матросы против матросов... Оставшиеся “верными” матросы, т. е. желающие еще надолго оставаться рабами, вызвали из Ревеля пехоту, которая прибыла на судне “Беркут”; с ее помощью арестовали участников восстания. Революционеры оказывали стойкое сопротивление. Однако теперь было уже поздно. Силы были далеко не равны. В перестрелке было убито 6 офицеров (частью из прибывших), кондуктор и 20 матросов. Ранено 6 офицеров и 48 матросов. Лобадин не перенес поражения и застрелился. Расправу с революционерами, начатую предателями, довершили пехота и жандармы. Раненых и здоровых жандармы и солдаты избивали прикладами и топтали ногами. Уже мертвого Лобадина искололи штыками. Арестовано было 223 человека, в том числе и Коптюх.

Изувеченных побоями, с залитыми кровью лицами и в изорванной одежде матросов отправили в тюрьмы Ревеля: часть – в Вышгородский замок, а особо опасных – в казематы тюрьмы “Маргарита”, из которой редко кто выходил живым. В знак солидарности и в целях облегчения участи арестованных матросов рабочие Ревеля объявили политическую забастовку. На учебном корабле “Рига” также имела место попытка восстания. Когда крейсер “Память Азова” погнался за “Ригой”, матросы поняли, что азовцы восстали. Революционные матросы “Риги” решили присоединиться к крейсеру, но выполнить это было чрезвычайно трудно, так как офицеры и кондукторы зорко следили за каждым шагом матросов. Однако около 8 часов вечера, когда корабль находился у плавучего маяка Неймангруд, 60 матросов, захватив винтовки и патроны, выскочили на верхнюю палубу. Здесь их окружили вооруженные офицеры, кондукторы, унтер-офицеры и гардемарины. Не имея плана борьбы, матросы сдались».

Итак, перед нами классическая канонизированная в советское время версия восстания на «Памяти Азова». Оценки восстания на «Памяти Азова» не слишком разнятся и у других историков. Но все ли обстояло на самом деле именно так, как рассказал нам С. Найда? Есть ли какие-либо иные свидетельства? Оказывается, такие свидетельства есть!

Глава третья. Мятеж «Государева корабля»

В отличие от событий на «Потемкине», о которых оставили свои воспоминания исключительно участники мятежа, о восстании на «Памяти Азова» оставил воспоминания и представитель антиреволюционной стороны капитан 2-го ранга Николай Николаевич Крыжановский, опубликовавший их в журнале «Морские записки» в 1948–1949 годах в Нью-Йорке.

Чтобы не пересказывать воспоминания Н.Н. Крыжановского, дадим слово непосредственному участнику тех событий: «Бунт команды на крейсере “Память Азова” произошел летом 1906 года в Балтийском море, в бухте Папонвик, близ Ревеля. При этом большинство офицеров было убито или ранено, корабль попал в руки мятежников и поднял красный флаг. Крейсер стрелял по военным судам, требуя их присоединения к “революции”, и намеревался бомбардировать города, принуждая “берег” к тому же. Это вооруженное восстание идентично с мятежом на броненосце “Князь Потемкин-Таврический” в Черном море: оно является крупным революционным актом в военной среде и представляет собой значительный исторический интерес.

Лично мне, тогда 19-летнему мичману, выпало на долю быть действующим лицом в этой тяжелой драме, и все происходящее оставило глубокий след в моей душе и сильно отпечаталось в молодой памяти, как только может отпечататься переживание в возрасте 19 лет. Впоследствии многие наши офицеры и некоторые иностранцы побуждали меня написать историю этого восстания, однако я это откладывал, из осторожности, так как в советской России еще сравнительно недавно преследовали и убивали участников и причастных к этому делу лиц.

Зиму с 1905 на 1906 год крейсер стоял на “паровом отоплении” в Кронштадтской гавани. Это была новая форма зимовки судов со всей командой, вместо старого разоружения. Команда и офицеры жили на кораблях, отоплялись своими котлами. Вместо вахты несли дежурства. В город увольняли свободно. Молодые офицеры жили всегда на корабле и лишь “съезжали на берег”. Женатые же, старшие, уходили вечером домой, на берег. Конечно, командир и старший офицер чередовались.

Этой зимой революционные агенты и занялись командой “Азова” вплотную. Для этого в Кронштадте было довольно агентов, были деньги, были женщины. На корабле находилась лишь, собственно, команда крейсера. Ученики артиллерийского класса в то время жили в артиллерийском отряде на берегу и занимались в классах.

Зимой, на паровом отоплении, команда жила неплохо. Пища выдавалась та же, что и в море. Во флоте команду всегда кормили хорошо, сытно. Редкий матрос дома мог иметь такую пищу. Будет довольно назвать только две цифры из рациона: три четверти фунта мяса в день на человека, хлеба неограниченно. Кроме того, овощи, крупа, макароны, масло, чай, сахар, табак и другие продукты. Вина, то есть водки, одна чарка (1/100 ведра) в день: 2/3 чарки перед обедом, 1/3 перед ужином. В то время уже многие матросы, особенно бережливые крестьяне, водки систематически не пили и предпочитали получить “за непитое” по 8 копеек в день, т. е. 2 рубля 40 копеек в месяц, как прибавка к жалованью.

Одевали матросов прекрасно. Уходя в запас, матросы увозили тюки одежды домой. Излюбленный козырь пропаганды, “плохие харчи”, имели большой успех в среде русского крестьянства. Однако во флоте это звучало неубедительно. Зато чисто революционная пропаганда во флоте имела несравненно больший успех, чем, например, в армии. Большинство матросов современного флота являются людьми с некоторым образованием, специалистами, прошедшими школу на звание машиниста, кочегара, минера, электрика, телеграфиста, артиллериста, гальванера, сигнальщика и др. Некоторые из них уже до службы проходили техническую школу, работали на заводах. Неграмотные очень быстро выучивались грамоте, так как эти занятия производились каждую зиму, под руководством опытных нанятых учителей. Матросы

могли читать книги, газеты. Стоя зиму в гавани у заводов, матросы были все время в общении и собеседовании с заводскими рабочими. Поэтому агенты политической пропаганды имели доступ на корабль и могли, не торопясь, вести свою работу. В течение зимы из среды команды выделился революционный комитет, а лидером всего движения стал артиллерийский квартирмейстер 1-й статьи Лобадин. Лобадин был типичный лидер в среде русского простого народа. Среднего роста, широкоплечий, “квадратный человек”, большой физической силы. Широкое лицо, белесоватые, исподлобья, глаза. Большого характера, с диктаторской повадкой. Лобадин был старовером, непьющим, исполнительным и старательным по службе. Он скоро стал квартирмейстером и имел ответственную должность по заведованию ручным оружием. В палубе у него была небольшая каюта. Лобадины команда уважала и слушалась. Дверь каюты Лобадины вечером обычно открыта. Лобадин громко читает или поет псалмы. Читает божественное. И никто над ним не рискнет посмеяться».

Так в жизни случается нередко, был человек почти маниакально одержим одной идеей (в данном случае бил поклоны и распевал псалмы), потом, глядь, нашел себе новых идолов и стал служить им с не меньшим остервенением.

С началом кампании революционное брожение на корабле стало чувствоваться явственно. Начались нарушения дисциплины...

«Память Азова» и «Рига» стояли на якорях посреди бухты (бухта Папонвик. – *В.Ш.*), а минные суда в глубине бухты, у берега. «Сообщение с берегом», т. е. привоз провизии, почты, сношения с портом, госпиталем и прочее производились при посредстве посылки минных судов в Ревель. На берег спускали “погулять в лес”.

...19 июля (все даты по старому стилю. – *В.Ш.*) я стоял вахту с 8 до 12 вечера и, сменившись, лег спать. В начале второго ночи меня разбудил вестовой: “Старцер вас требуют”. Мазуров позвал меня и лейтенанта Селитренникова в каюту: “На корабле находится посторонний штатский человек. Мы его должны арестовать. Возьмите револьверы и идемте со мной...”

Втроем мы вышли в темную жилую палубу и, согнувшись под висячими койками, пробрались к носовой части корабля. У входа в таранное отделение палуба сужается. Люди спят на палубе, на рундуках и в подвесных койках. Тут же была моя “заведомая” часть – малярные каюты, которыми я ведал как “окрасочный офицер”. На палубе мы заметили одного из спящих на койке матросов, к которому сбоку примостился кто-то второй, в рабочем платье. Мазуров приказал их поднять.

– Это кто? – спросил он меня.

– Это маляр Козлов, а другого я не знаю.

Другой был очень тщедушный молодой человек, небритый, не матросского вида. Мазуров спросил:

– Ты кто?

– Кочегар.

– Номер?

– Сто двадцать два, – была очевидная ерунда. Номер не кочегарный.

– Обыщите его.

В кармане у него я нашел заряженный браунинг, в другом патроны. Мы повели его в офицерское отделение и посадили в ванную каюту. Приставили часового, ученика комендора Тильмана. Тильман и доложил старшему офицеру ночью, что на корабле есть “посторонний”.

В это время разбудили всех офицеров. Командир спустился в кают-компанию и открыл дверь в ванную комнату, где сидел арестованный. Он лежал на крышке ванны и при появлении командира не пошевелился, смотря на него спокойно и дерзко.

– Вы кто такой? – спросил командир.

Неизвестный не ответил.

– Отвечайте, ведь мы все равно узнаем.

– Ну, когда узнаете, то и будете знать, – дерзко ответил “вольный”.

Его заперли снова, и он просидел арестованным всю ночь. По осмотре носового отсека оказалось, что в таранном отделении незадолго перед этим было собрание многих людей. Там был “надышенный” и “накуранный” воздух. Дело оборачивалось “всерьез”.

Между тем в палубе, в пирамидах, стояли открыто ружья. Тогда офицеры и кондукторы стали таскать ружья в кают-компанию: тут же снимали и прятали затворы и отдельно штыки. Командир приказал доложить адмиралу о происшедшем. Я выбежал через батарейную палубу наверх и увидел Дабича, ходящего на юте. Я ему все доложил. Он выслушал, пожал плечами и сказал: “Я ничем тут помочь не могу. Пусть командир действует по усмотрению”. В это время остановилась динамо-машина, электричество погасло, и корабль погрузился во мрак внизу и в полумрак на верхней палубе (летняя ночь).

Из хроники мятежа на крейсере «Память Азова»: «Под руководством квартирмейстера Лобади́на команда стала бить лампочки и вооружаться. В 3 часа 40 минут утра на палубе раздался первый выстрел. Началась стрельба на верхней палубе. Сразу были ранены: смертельно вахтенный начальник и тяжело старший офицер. Командир крикнул: “Господа офицеры, с револьверами наверх!” – и навстречу восставшим матросам поднялись старший штурман лейтенант Захаров и вахтенный офицер лейтенант Македонский. Захаров был убит сразу, а Македонский бросился за борт, и его пристрелили в воде. Командир, кончив раздачу патронов офицерам и кондукторам, поднялся наверх и нашел здесь смертельно раненного вахтенного начальника мичмана Зборовского (Збаровского). Матросы из-за прикрытий обстреливали люк и через люки стреляли в кают-компанию; при этом убили старшего судового врача Соколовского и ученика комендора Тильмана, стоявшего часовым у каюты арестованного. Командир крейсера, пытавшийся урезонить команду, получил несколько колотых ранений в грудь. Старшего механика Максимова забили насмерть в каюте».

Обратите внимание на любопытную деталь – битье лампочек. Их били не просто так, а со смыслом. И смысл этот был великий – на случай если офицеры случайно выживут, чтобы они ненароком не запомнили лица своих убийц. Поразительная жестокость, соседствующая со столь же поразительной животной трусостью. Впрочем, жестокость и трусость – вещи взаимодополняющие.

Из воспоминаний Н. Крыжановского: «Кто-то доложил, что несколько человек напали на денежный сундук, ранили часового и разводящего и украли стоявший там ящик с патронами. Наверху, у светового люка в кают-компанию, раздался оружейный выстрел и вслед за выстрелом пронзительный крик. Стреляли и кричали революционные матросы. Спрятавшись за мачту, матрос Коротков и матрос Пелявин из коечной сетки стреляли почти в упор в вахтенного начальника мичмана Збаровского. Две пули попали в живот. Збаровский упал и долго потом валялся, корчась на палубе. Уже много позже его отнесли в лазарет, где он утром и умер в сильных мучениях и был выброшен за борт.

Вслед за первым выстрелом по всему кораблю начались какие-то крики, улюлюканья и выстрелы. Члены комитета и боевой дружины бегали по палубам и принуждали команду вставать и принимать участие в бунте. Большинство команды робко притаилось в койках. Их тыкали штыками и выгоняли. Из командирского помещения послышался голос командира:

– Офицеры наверх с револьверами.

Мы стали выбегать на ют через кормовое адмиральское помещение. Лейтенант Захаров вышел первым и что-то кричал команде. За ним вышел Македонский. Захаров был сразу убит. Македонский под обстрелом прыгнул с трапа за борт, но был застрелен в воде. Мы стояли на юте и никого не видели вдоль всей открытой палубы до самого полубака. Был полусвет белой ночи. Однако отовсюду шла стрельба из ружей. На кормовом мостике перед нами стояли вахтенные сигнальщики с биноклями в руках.

В это время с моря к нам на корму подходил миноносец “Ретивый”, нашего отряда, под командой капитана 2-го ранга П. Иванова. Он только что пришел из Ревеля. Подходя к крейсеру, он услышал выстрелы, увидел на корме офицеров. Миноносец обстреляли из ружей... Лозинский пробовал голосом что-то сказать Иванову. Однако миноносец дал задний ход и ушел.

Мы сделали несколько выстрелов, но цели не видели. Скоро “сели” Селитренников и Вердеревский, оба раненные в ноги. Тогда мы спустились в адмиральское помещение и унесли туда раненых. Мазуров выходил с командиром из его помещения в батарейную палубу, и оба пробовали урезонить мятежников, которые с ружьями толпились у входа в командирское помещение. Мазурова ранили выстрелом в грудь. Он упал на палубу, но продолжал распоряжаться:

– Не смей стрелять в лежащего.

Однако в “лежащего” выстрелили и ранили Мазурова вторично в грудь навывлет. Командир капитан 1-го ранга Лозинский смело вышел на мятежников и начал кричать и призывать к порядку. На него напирала с ружьями наперевес. Лозинский стал хватать руками ружья за штыки и кричал:

– Что вы делаете? Опомнитесь! Уберите ружья!

Несколько штыковых ударов в грудь свалили маленького Лозинского с ног. В это время мы вышли из командирского помещения в батарейную палубу и увидели лежащего командира. Мы сразу бросились его поднимать, и нас никто не тронул. Лозинский хрипел и харкал кровью и не мог говорить. Мы внесли его в командирское помещение, в спальню, и положили на кровать. Мазурова мы снесли в кают-компанию на диван. Кают-компания обстреливалась сверху через световой люк.

Когда таскали и разбирали винтовки из палубы в кают-компанию, старший механик Сергей Прокофьевич Максимов принимал самое деятельное участие, приносил охапки ружей из палубы. В кают-компании, я помню, он подошел ко мне и спросил:

– Как вынуть затвор из ружья? Он не идет.

– Нажмите курок.

Потом сказал:

– Я на минуту сбегаю в каюту.

Каюта старшего механика выходила в жилую палубу около кают-компании. Максимов ушел, и больше мы его никогда не видели.

Как потом оказалось, в каюте Максимов хотел что-то достать, или спрятать какие-то семейные реликвии или карточки. Может быть, что-нибудь самое дорогое. В это время в его каюту ворвалась ватага вооруженных мятежников во главе с машинистом Бортниковым. Наскочив на Максимова, Бортников начал бить его тяжелым рашпилем по голове. Другие тоже приняли участие, и Максимов был забит насмерть...

Офицерский состав таял. Мятежники наступали. Кают-компания и адмиральское помещение обстреливались со всех сторон. На бакштове, за кормой, стоял ревельский портовый таранный баркас (малый буксир). Инженер-механиков Высоцкого и Трофимова надоумили поднять на нем пары. Механики спустились на баркас и вместе с эстонской вольнонаемной командой стали лить керосин, жечь паклю и доски, поднимая пары. С кормового балкона мы стали спускать на баркас раненых. Спустили командира, Селитренникова, Вердеревского. Стали садиться остальные. Мы с Саковичем хотели вытащить раненого Мазурова и спустились в кают-компанию. Мятежники не дремали и стали с палубы стрелять по таранному баркасу, стоящему на бакштове. Ждать было больше нельзя. Баркас отдал бакштов и стал малым задним ходом отходить. Пару в котле еще было мало.

На верхней палубе опять начались крики и улюлюканье. Это бунтари пришли в ярость оттого, что часть офицеров может уйти. Началась беспорядочная ружейная стрельба. Вскоре присоединился пулемет с фальшборта.

Едва таранный баркас развернулся... как по нему начала стрелять кормовая 47-мм пушка с юта. Вскоре был спущен паровой катер, и мятежники на нем водрузили 37-мм пушку, и пошли вдогонку. Таранный баркас медленно приближался к берегу. В него попало около 20 снарядов, и, не дойдя до берега, он затонул на мели. На баркасе снарядами были убиты командир капитан 1-го ранга Лозинский, флаг-офицер мичман Погожев, тяжело ранен лейтенант Унковский и ранен начальник отряда флигель-адъютант Дабич, легко контужены флаг-капитан, капитан 1-го ранга П.В. Римский-Корсаков и мичман Н.Я. Павлинов. Раненых вынесли на берег и торопились скрыться в лесу, так как сзади их настигал паровой катер с преследователями, стрелявшими из пушки и ружей. Однако паровой катер сел на мель на большом расстоянии от берега, и пока снимался, офицеры успели скрыться в лесу. Катер вернулся на крейсер».

* * *

Что же произошло с офицерами, которым удалось бежать с мятежного крейсера? Из объяснительной записки мичмана Николая Павлинова: «В ночь с 19 на 20 июля с.г., около 2 ч. ночи я был разбужен мичманом Крыжановским, который сказал, что на крейсере поймали агитатора и содержат его под арестом в кают-компании. Я тотчас оделся и вышел в кают-компанию, где в это время находились: старший офицер капитан 2-го ранга Мазуров, лейтенанты Захаров и Селитренников, мичман Сакович и корпуса инженер-механиков флота поручик Высоцкий. Старший офицер приказал мне взять револьвер и быть в кают-компании. Минут через десять в кают-компанию пришел командир капитан 1-го ранга Лозинский и, подойдя к арестованному, приказал снять с него фуражку с надписью “Учебно-артиллерийский отряд”, раздеть его и приготовить для отправки на “Воеводу”. В это время к командиру пошел караульный начальник и доложил, что от денежного ящика украдены ружейные патроны. Командир со старшим офицером сейчас же вышли наверх. И приблизительно в это же время последовал первый выстрел, которым был ранен вахтенный начальник мичман Зборовский, а затем уже начались частые выстрелы из винтовок. По приказанию командира офицеры и кондукторы занялись переноской ружей из палуб в офицерское помещение. Я вынимал затворы у винтовок и клал их в свою каюту на койку под одеяло. Вскоре после этого электричество на крейсере потухло, и я вышел наверх, где находился начальник отряда флигель-адъютант Дабич и лейтенанты Вердеревский и Селитренников. По нас тотчас был открыт ружейный огонь. Первыми пулями были ранены лейтенанты Вердеревский и Селитренников. Я помог лейтенанту Вердеревскому спуститься вниз. Начальник отряда в это время стоял на балконе и давал приказание стоявшему на бакштове таранному баркасу разводить пары. Для этого на баркас были посланы лейтенант Унковский и корпуса инженер-механиков поручик Высоцкий. Когда пары были подняты, начальник отряда приказал офицерам садиться в баркас. Я ушел в кают-компанию, где слышал стоны старшего офицера. К нему подошел и.д. старшего врача коллежский ассессор Соколовский, который был тотчас убит с верхней палубы через световой люк.

После этого я вышел на балкон, где помог передать на баркас смертельно раненного командира, раненых лейтенантов Вердеревского и Селитренникова и начальника отряда флигель-адъютанта Дабича, а затем сам сел. Как только мы отошли задним ходом от крейсера, по нам открыли сначала ружейный, а затем орудийный огонь. Стреляли из 47-мм пушек Гочкиса. Некоторые снаряды рвались в баркасе. Одним из снарядов был убит раненый командир, ранены флигель-адъютант Дабич и тяжело лейтенант Унковский, мичману Погожеву оторвало обе ступни, он вскоре умер.

Не доходя 0,5 кабельтова до берега, таранный баркас, имея подводные и надводные пробоины и крен на правый борт, стал на мель на глубине около 6 футов. Офицера начали бросаться в воду, чтобы вплавь достичь берега. Я с поручиками корпуса инженер-механиков флота Высоцким и Трофимовым помогил выбраться за борт раненому начальнику отряда и доплыть

до берега. Во все это время по нам, не переставая, стреляли с крейсера и с парового катера, вооруженного орудием и посланного для преследования офицеров.

Предполагая дальнейшую погоню, я с помощью поручиков Высоцкого и Трофимова увел поглубже в лес раненого флигель-адъютанта Дабича, где ему сделали первую перевязку раны. Для этого были употреблены чехлы с фуражек, мой китель, разорванный на полосы и носовые платки. В лесу мы сразу сбились с дороги. Начальник отряда сам идти не мог и уже решился остаться в лесу, а нам предложил идти одним искать дорогу. Его приходилось силой подымать и вести. Все время он был очень слаб. И всякое неловкое движение, и толчки вызывали большие страдания раненого.

Пробыв в лесу всю эту ночь, следующий день без воды и пищи, мы только к вечеру дошли до озера, на берегу которого переночевали, и утром дошли до селения, где нам дали молока, хлеба и одежду. Там же получили две подводы. На одну положили совсем уж потерявшего силы начальника отряда. Я сел на эту же подводу, а на другую поместились поручик Высоцкий с больным поручиком Трофимовым. В 11 часов утра выехали на станцию Разик, где благодаря участию начальника станции раненому начальнику отряда местным врачом была сделана первая промывка раны. Около 9 часов вечера мы прибыли в Ревель, где были встречены командиром порта, который приказал флигель-адъютанта Дабича везти в гостиницу “Диаконис”. Довезя его, я с поручиками Высоцким и Трофимовым по приказанию командира порта явились на крейсер “Память Азова”».

* * *

И снова обратимся к воспоминаниям Н. Крыжановского: «Когда мы с Саковичем спустились в кают-компанию за Мазуровым, там было темно. Мы ползком пробирались к дивану, где хрипел Мазуров. По дороге лежал убитый часовой у ванной комнаты Тильман. Под световым люком навзничь лежал убитый доктор Соколовский. Он, видимо, подходил к дивану, чтобы помочь раненому старшему офицеру, и был убит через световой люк. Белый китель доктора был хорошо виден в темноте. Наши белые кители сыграли вообще трагическую роль в эту ночь: их было прекрасно видно и ночью. Вынести живым дородного Мазурова на баркасе было невероятно трудно. Но выносить его нам не пришлось. Баркас отвалил. Мы с трудом перенесли Георгия Николаевича в его каюту на кровать и стали перевязывать полосами из простынь. Свет зажегся, но кают-компанию продолжали обстреливать. Попадали и в каюту старшего офицера. На старом “Азове” почти все каюты выходили в кают-компанию. Каюта старшего офицера, где мы находились, была освещена и открыта.

Вдруг в каюту сразу вошла группа вооруженных матросов во главе с минером Осадчим и потребовала от нас сдать оружие. Мы отдали свои наганы.

– Мы вас не будем обыскивать. Но если у вас окажется оружие, вы будете застрелены на месте!

Осадчий, член комитета, что-то еще говорил вроде того, что:

– Народ взял власть в свои руки, и мы пойдем на соединение с другими революционными кораблями. Везде восстание и революция!

Нас заперли и приставили часового. Однако один револьвер мы спрятали под матрас. До вторжения мятежников в каюту, когда мы перевязывали Мазурова, он на время пришел в сознание и сказал:

– Слушайте, мичмана, скоро вас обыщут и отберут оружие. Спрячьте под матрас один револьвер. Если вас потребуют к управлению кораблем, вы должны будете застрелиться. Обещайте мне это, – мы обещали.

Ночью, одно время, Мазурову стало худо. Но духом он не падал. Говорил: “Дайте мне зеркало. Хочу посмотреть. Говорят, перед смертью нос заостряется”. Сакович по телефону

просил комитет прислать фельдшера и священника. Обоих прислали. Легко раненный в руку иеромонах был, однако, так напуган, что лепетал вздор, путал молитвы.

Утром играли побудку. Завтрак. Время от времени кто-то по телефону сообщал нам в каюту новости о происходящем на корабле:

– На баке митинг: товарищ Коптюх и Лобадин держали речь! Назначено следствие над оставшимися офицерами, будут их судить.

Минным крейсерам и миноносцам поднимали сигналы, требовали их присоединения. Однако минные суда уклонились, приткнулись к берегу, а команды с офицерами ушли в лес. По ним стреляли из 6-дм орудий, но безрезультатно. Было вообще много шума и беготни, горнисты играли то “тревогу”, то “две дробы-тревогу”, как на учении. Потом вызвали “всех наверх с якоря сниматься”.

В это время нашу каюту открыли. Пришел вооруженный наряд под начальством членов комитета, которые заявили нам, что нас требуют наверх. Мы поняли, что нас требуют на казнь, и попрощались с Мазуровым, поцеловали его. Он, очень слабый, как всегда твердый, лежа, прошептал нам что-то вроде:

– Ничего, бодритесь, мичмана!

Под конвоем нас с Саковичем повели через жилую и батарейную палубы на шканцы. По дороге, в батарейной палубе, у входа наверх трапа, мы сошлись с другим конвоем, который вел двух арестованных петухов (еще во времена парусного флота чиновников содержателей имущества почему-то называли “петухами”), чиновников-содержателей имущества артиллерийского отряда. Завидя нас, один “петух”, по имени Курашев, плаксивым голосом говорил своим конвойным:

– Я понимаю, что вы против них (показывая на нас), но нас-то за что же убивать?

Этот чиновник, конечно, не предполагал встретиться с нами на этом свете. Ему потом было не очень ловко. На шканцах было много команды. Когда нас вывели, то слышались голоса:

– Зачем их трогать! Довольно крови.

Из голосов я узнал один, квартирмейстера моей роты. Произошло некоторое замешательство. Нас повернули и отвели обратно в каюту. При этом нам было заявлено, что Лобадин сказал:

– Хорошо, пусть они останутся. Меньше крови, это будет лучше для России!

По телефону опять передали, что нас доставят в тюрьму в Гельсингфорс, где будет судить революционный суд. Позднее нам было неофициально сообщено, что до этого было решено комитетом меня расстрелять, а Саковича утопить.

Во время бунта “организация” на корабле была следующая: командовал Лобадин, должность старшего офицера исполнял Колодин. Все члены комитета были переодеты “во все черное”, т. е. были одеты в синие фланелевые рубахи и черные брюки, тогда как остальная команда была в рабочем платье. При съемке с якоря на мостике был Лобадин, Колодин и “вольный” Коптюх, все одетые в офицерские тужурки.

По некоторым “келейным” сведениям мы узнали, что большинство команды революционерам не сочувствуют, считают, что произведенный бунт есть страшное преступление и убийство. Многие при случае стараются сделать что-нибудь против успеха мятежа. При обстрелах судов из орудий снаряды цели не достигали. Были случаи “заклинивания” орудий. Главари чувствовали эту затаенную ненависть и готовность противодействия. Но комитет держал власть страхом, террором, решительными, беспощадными действиями.

В 11 часов один из вестовых принес нам обед. Войдя в каюту и увидев нас, он всхлипнул и тихо сказал:

– Что сделали, что сделали.

Это подслушал часовой, и вестовому попало. Хотели его убить, но не решились.

Выйдя в море, крейсер пошел по направлению к Ревелю. В море встретили миноносец “Летучий”, под командой лейтенанта Николая Вельцина. Миноносцу был поднят сигнал “присоединиться”. Красный флаг был спущен, и поднят снова Андреевский. Ничего не подозревая, миноносец приблизился, но когда он понял положение, то повернул и стал уходить полным ходом. По нему был открыт огонь из орудий, но безрезультатно.

Подходя ближе к Ревелю, встретили финский пассажирский пароход, идущий из Гельсингфорса. Заставили его остановиться, спустили и послали шестерку, потребовали капитана. Приехал финн и на расспросы ответил, что действительно в Свеаборге, крепости Гельсингфорса, было восстание гарнизона, были беспорядки и на кораблях. Но теперь все подавлено, т. к. броненосцы обстреляли крепость из 12-дм орудий. Финна отпустили. Комитет был сильно обескуражен, получив сведения из Гельсингфорса. Значит, революция там не удалась. Что делать дальше?

Коптюх говорил, что в Ревеле на корабль прибудет “важный революционер” или “член Государственной Думы”, который и даст все указания. Приближаясь из оста к Ревельской бухте, “Память Азова” придерживался близко к берегу. На мостике находилось “начальство”: “командир” Лобадин, “старший офицер” Колодин и “мичман” Коптюх. Поставили также рулевого кондуктора, но штурманской помощи он оказать в море не мог по незнанию кораблевождения и будучи сильно испуган. Был на мостике также финн, ученик лоцмана, почти мальчик, плававший для изучения русского языка. Флегматично стоял этот чужестранец на мостике, и, казалось, ничего его не трогает, не смущает. Уже вблизи знака Вульф, ограждавшего большую отмель и гряду подводных камней, лоцманский ученик как-то флегматично сказал, как будто ни к кому не обращаясь:

– Тут сейчас будут камни.

– Стоп машина. Полный назад. Где камни? Где?

“Начальство” впало в панику. У самых камней корабль остановился, пошел назад. Банку обошли. Лоцманский ученик знал эту опасную гряду по плаванью еще мальчиком на лайбе.

На Ревельском рейде стали на якорь на обычном месте. Флаг был поднят опять красный. Кормовой Андреевский поднимался только в море для обмана встречных судов, которым сигналом приказывали приблизиться. По приходе в Ревель и постановке на якорь, делать было нечего. Команда начала приунывать, сознавая всю тяжесть ответственности за содеянное. Комитет и Коптюх пробовали “поддержать настроение”. Коптюх читал какие-то прокламации, пробовали петь революционные песни. С берега не было никаких вестей, никто не приходил. Надо было, кроме того, достать провизию, так как провизии на корабле было мало. Решили послать двух человек из комитета в штатском на берег. Обсуждали положение и склонились к тому, чтобы в случае нужды потребовать провизию от порта под угрозой бомбардировки. Также предполагали огнем судовой артиллерии заставить гарнизон города присоединиться.

В общем, не знали, что делать, на что решиться. Все ждали приезда “члена Государственной Думы”».

Последняя фраза Н. Крыжановского весьма примечательна. Она сразу же исключает все утверждения о «стихийности» мятежа на «Памяти Азова». Перед нами все тот же опробованный на «Потемкине» вариант восстания. Вначале, якобы обиженные командирами, матросы захватывают корабль. Затем на него прибывают профессиональные революционеры, которые сразу же берут всю власть в свои руки и направляют мятежный корабль в один из портов, где все уже готово к более масштабному мятежу. Приход корабля под красным флагом должен явиться детонатором восстания уже всего флота. Захватив же основные военно-морские базы, можно было уже диктовать свои условия беззащитному Санкт-Петербургу.

* * *

А вот описание восстания в изложении писателя П. Веселова. Разумеется, автор писал свое видение мятежа на «Памяти Азова» в советское время, а потому это не могло не нанести свой отпечаток на изложение событий: «...В мае 1906 года сознательная часть команды “Памяти Азова” избрала для руководства революционной работой на крейсере судовой комитет, в который вошли: артиллерийский квартирмейстер Нефед Лобадин, баталер Степан Гаврилов, гальванер Петр Колодин, минер Алексей Осадчий, комендоры Афанасий Ширяев, Григорий Болдырев, Дмитрий Котихин и другие. На заседания комитета приезжал член Ревельского комитета РСДРП большевик Арсений Коптюх, которому было поручено руководство подпольной работой на судах учебно-артиллерийского отряда.

На кораблях отряда все чаще и чаще стали появляться революционные прокламации и газеты. Большевистская пропаганда находила живой отклик среди матросов. Члены судового комитета исподволь начали вести подготовку восстания...

...На крейсер пожаловал морской министр Бирилев.

– Азовцы! – крикнул министр, выпячивая грудь и стараясь придать себе молодцеватый вид. – Ваше судно – георгиевское судно. Вы, азовцы, в 1905 году удостоились похвалы его императорского величества... На вас все надежды самодержавия. Внутренний враг становится все нахальней... наглей... нужны верные силы отечеству, и я верю, что вы, азовцы, будете верны присяге и военному долгу.

Бирилев перевел дух и, собрав силы, неистово взвизгнул:

– Да здравствует батюшка-царь и матушка-Русь... Ура-а!

Отозвались только офицеры. Команда безмолвствовала, она напряглась, ожидая сигнала к восстанию. Сигнала не было. Руки офицеров на револьверах. Офицеры бледны. У одного из мичманов дергается щека.

– Кто тут стоит? Русские люди? – восклицает министр и, быстро подойдя к матросской шеренге, тычет в грудь первого попавшегося моряка:

– Ты русский?

– Русский.

– Ты русский? – тычет он в соседа.

– Ты русский? – нервно перескакивает его палец в плечо стоящего во второй шеренге...

– Русский...

– Да здравствует русский народ. Ур-ра!

То же гробовое молчание. Министр побагровел. Мгновение казалось, что его хватит удар, и вдруг вся краска отхлынула с лица, он сгорбился и засеменил вниз по командирскому трапу.

Это произошло 14 июля, а 19-го...

На небольшую, окаймленную вековым сосновым бором бухту Папон-Вик (Хара-Лахт), что в 40 милях восточнее Ревеля, спустилась ночь. Безветренная, звездная, на редкость теплая для Балтики. На судах учебно-артиллерийского отряда загорелись корабельные сигнальные огни, прозвучал отбой.

Однако многим матросам крейсера “Память Азова” не спалось. В душном тесном помещении, находившемся в носовой части жилой палубы, шло собрание корабельной большевистской организации. Прибывший нелегально на крейсер член Ревельского комитета РСДРП Арсений Коптюх привез известие о событиях в Свеаборге и Кронштадте и требование партийного центра поддержать восставших. Обсуждение создавшегося положения проходило горячо и взволнованно. Слишком неожиданна была весть. Говорили о том, что, по слухам, на боевых судах арестованы революционные матросы и заменены гардемарины. “Память Азова” мог

остаться в одиночестве. Да и мыслимо ли овладеть судном, если все офицеры и кондукторы начеку?

Спор затянулся до полуночи. Не успели матросы разойтись, как появился старший офицер. Это ученик-комендор Тильман успел донести судовому священнику о собрании в таранном отсеке и присутствии постороннего человека. Тот немедленно передал об этом корабельному начальству. Начался обыск. Вскоре Коптюх был обнаружен и арестован. При обыске у него нашли браунинг и патроны.

Пока командир отряда и командир крейсера совещались с офицерами, что делать дальше, руководитель большевистской группы крейсера Нефед Лобадин предлагал выступать немедленно.

– Не теряй времени, – заявил Петр Колодин. – Командуй!

– Правильно, – поддержал Дмитрий Котихин.

– Драконы не простят нам, – вставил Степан Гаврилов. – Нужно их опередить.

– Значит, к оружию, братцы! – твердо и уверенно сказал Лобадин. – Котихин, быстро на жилую палубу к ученикам! Костин пусть собирает артиллерию, Аникеев – машинную команду, Осадчий, вырубай динамо-машину!

На корабле погас свет. Воспользовавшись темнотой, матросы напали на часового, захватили несколько винтовок и ящик с патронами.

Тем временем командир крейсера приказал офицерам и кондукторам снести винтовки в кают-компанию. Но, когда около трех часов ночи они приблизились к пирамидам с оружием, матросы обстреляли их с верхней палубы из-за укрытий.

Хотя к восстанию готовились загодя, вспыхнуло оно преждевременно. Возбужденные арестом Коптюха, революционные матросы поднялись стихийно. Восставшие наступали с носовой части, укрываясь за машинными люками. Офицеры засели за штурманской рубкой. Пуля возмездия настигла предателя Тильмана, матросы освободили Коптюха. Вместе с Лобадиным он возглавил восставших.

Уже к четверем часам утра крейсер оказался в руках повстанцев. Захват его был произведен быстро и умело. В этом большую роль сыграли инициатива, смелость и недюжинные организаторские способности Нефед Лухьяновича Лобадины.

С рассветом горнист сыграл «большой сбор». На верхней палубе мгновенно возник бурный митинг.

– Сейчас наш крейсер – это маленькая революционная республика, целое государство, – сказал Коптюх. – Но республикой надо управлять, надо выбрать свое революционное правительство. Нашему крейсеру предстоит еще большое дело. Надо, чтобы все было в порядке. Выберем матросский совет для управления кораблем, он заменит нам разгромленное царское офицерье... Я предлагаю выбрать 12 человек. Долой царя, долой правительство, ура! – закончил он свою речь.

– Ура-а-а! – разнеслось над палубой. – Ур-ра! Будет «Память Азова» памятна!

Матросы немедленно избрали для управления крейсером командира – Нефед Лобадины, и комитет, в который вошли Арсений Коптюх, Петр Колодин, Иван Аникеев, Тимофей Кузькин, Николай Баженов, Степан Гаврилов и еще пятеро. В Свеаборг, Кронштадт на корабли Балтийского флота полетели радиogramмы, в которых крейсер извещал о восстании и призывал присоединиться другие суда. Под звуки «Интернационала» медленно поползло вверх красное полотнище.

П. Веселов явно ненавидит не только царских офицеров, но и адмиралов. Поэтому Бирилев у него «визжит», а у мичмана с перепугу «дергается щека». Весьма неправдоподобно выглядит и вся сцена с призывом адмирала Бирилева крикнуть «ура» во славу русского народа и молчанием на это команды. Если в строю стояли русские люди, то почему бы им не крикнуть «ура» во славу своего рода? Здесь почти неприкрытая русофобия автора.

Воспоминания Н. Крыжановского дополняют объяснения других свидетелей мятежа, данные ими во время судебного процесса. Из объяснительной записки мичмана Саковича: «Было 2 часа 20 минут ночи... Скоро началась стрельба и крики, Командир закричал: “Офицеры, наверх с револьверами”. Освещение превратилось, Я выскочил наверх с писарем Евстафьевым. С бака из-за рубок сеток в нас стреляли. У среднего трапа лежал в крови мичман Зборовский. Спросил сигнальщиков, откуда стреляют. Они ответили: “Уйдите, вас убьют”. Ранили лейтенанта Вердеревского. Было ясно, что стрельба производилась только в офицеров...»

Из показания артиллерийского квартирмейстера Архипа Орехова: «На собрании команды вольный в матросской форме говорил речь. После этого Лобадин спросил, что делать со старшим офицером и Саковичем, вольный предложил команде на обсуждение. Лобадин предложил уничтожить их. Раздались голоса, что раньше надо пообедать. Котихин сказал: “А их на закуску!”» Потом стреляли по встречному миноносцу.

Из показаний артиллерийского квартирмейстера Гагарина: «Видел, как Лобадин приказывал стрелять комендору Песчанскому, но тот не туда целил. Лобадин его прогнал и стрелял потом сам... Вольный сказал на сходке: не пора ли прикончить старшего офицера и мичмана Саковича. Затем Лобадин приказал: “Вино наверх”». Что ж, спаивание команды – это верный способ удержать их как можно дольше во взвинченном и неадекватном состоянии.

Из показаний корабельного писаря Евстафьева: «...Видел мичмана Зборовского, плавающего в крови, и подавал ему помощь. Я снес его в лазарет... На баке стал на шпиль неизвестный, рядом сел Лобадин. Он объяснил, почему это все произошло. Прочел выборгское воззвание. Сказал, что приедет один член Государственной думы и еще один товарищ, которые лучше его объяснят. Они должны были уже вчера прибыть. После некоторого времени жидкое “ура”».

Глава четвертая. Битва за крейсер

Пока мятежники упивались властью и ждали профессиональных революционеров, которые бы направили их туда, куда надо, в недрах крейсера вот-вот должен был начаться контрмятеж. Матросы слишком хорошо помнили финал мятежного броненосца «Потемкин» и то, что нашли в Румынии никому не нужные и брошенные на произвол судьбы руководителями-революционерами рядовые потемкинцы. Решение отбить «Память Азова» созрело поэтому очень быстро, матросы же с унтер-офицерами действовали на редкость смело и решительно, а самое главное – совершенно неожиданно для уверенных в своей окончательной победе мятежников.

Вот как описал финал мятежа впоследствии в своем документальном рассказе-расследовании писатель-чекист Лев Шейнин: «В конце концов, Лавриненко (унтер-офицер, пойманный Шейниным в 30-х годах. – *В.Ш.*) и ставшие на его сторону кондукторы убедили молодых матросов. Сразу после ужина, ровно в шесть часов, на батарейной палубе Лавриненко крикнул:

– С подъемом столов!

Это был сигнал к нападению. Новобранцы с винтовками набросились на остальных матросов, для которых это явилось полной неожиданностью. Началась паника. Нападающие оттеснили матросов к фок-мачте. С мостика Лавриненко навел на них пулемет, со всех сторон их окружили вооруженные новобранцы.

– Сдавайся, пока не поздно! – кричал Лавриненко.

Матросы сдались. Лобадин, увидев, что все проиграно, тут же, на глазах всей команды, схватил детонатор и ударил по капсулю. Ему разорвало живот. Часть матросов бросилась за борт, в море.

– Выловить всех до единого! – закричал Лавриненко.

И группа кондукторов спустила на воду моторный бот и пустилась в погоню за матросами. Кое-кого задержали. Остальные, не желая отдаваться в руки Лавриненко и властей, утопились».

Из описания дальнейшего развития восстания в изложении писателя П. Веселова: «Из Кронштадта и Свеаборга известий не поступало, отправляться туда без запасов угля и пищи было рискованно. Обсудив положение, судовой комитет решил, прежде всего, попытаться поднять восстание на других судах отряда, а затем двинуться в Ревель, чтобы соединиться с учебным кораблем “Рига” и получить поддержку рабочих Ревеля. Если же суда не примкнут к восстанию, идти одним в Ревель, запастись там углем и продовольствием, связаться с революционными организациями на берегу.

Утром 20 июля крейсер снялся с якоря и встал у выхода из бухты, чтобы не выпустить “Воеводу”, “Абрека” и миноносцы, если они не захотят присоединиться к восстанию. Орудия приготовили к бою, крейсер дал сигнал кораблям следовать за ним.

Однако поднять восстание на остальных судах отряда не удалось. Офицеры подавили попытку матросов поддержать “Память Азова”. Обстрел судов результата не дал. Механизмы их были приведены офицерами в негодность, команды спешно сведены на берег. Крейсер “Абрек” на полном ходу выбросился на берег. То же сделал и “Воевода”.

Оставшись в одиночестве, “Память Азова” под красным флагом, повторив революционный подвиг потемкинцев, взял курс на Ревель. Днем на горизонте появился транспорт “Рига”. Крейсер устремился за ним. Но командир транспорта имел приказ, во что бы то ни стало избежать встречи с мятежным крейсером, так как команда волновалась и сочувствовала азовцам. Около трех часов длилась погоня за “Ригой”, уходившей на запад.

Неудача удручающе действовала на многих участников восстания, особенно на колеблющуюся массу учеников-комендоров. Усилились сомнения в успехе начатого дела. Пока судовой комитет совещался, оставленные на свободе унтер-офицеры кондукторы, большинство

которых были выходцами из зажиточных крестьян, мечтавших пробиться в “ваше благородие”, начали запугивать команду предстоящими расправами. Вместе с арестованными офицерами они исподволь стали готовить контрреволюционный мятеж.

В 5 часов вечера революционный крейсер бросил якорь на Ревельском рейде. Местные власти со страхом ждали его появления. Все войска и полиция города были приведены в боевую готовность. Вдоль побережья расставлены роты Царицынского полка, непрерывно патрулировали казаки. Власти запретили выход из порта судов и шлюпок, а рабочие и матросы, появляющиеся в порту, немедленно арестовывались.

Посоветовавшись о дальнейших действиях, судовой комитет решил потребовать от властей под угрозой бомбардировки города присылки на крейсер продовольствия и угля. Кроме того, решено было отправить делегацию в Ревельский комитет РСДРП. В архиве сохранилась записка Коптюха Ревельскому комитету. В ней говорилось: “Дорогие товарищи! Сегодня в 3 часа мы восстали... Пока к нам никто не присоединился... Куда нам направляться, мы не знаем. Решили захватить город Ревель. Вы это решение хорошенько обсудите и дайте нам положительный ответ...”

Записка на многое проливает свет и объясняет причины, по которым члены комитета столь долго совещались в то время, когда были необходимы быстрые и энергичные действия.

В это время и начался поднятый кондукторами контрреволюционный мятеж. Испортив орудия и вооружившись, унтер-офицеры перетянули на свою сторону большинство учеников-комендоров и освободили арестованных офицеров. Революционеры дрались храбро и стойко, но они оказались в меньшинстве. В самом начале расправы был тяжело ранен Лобадин.

Кондукторы обратились к командиру порта с просьбой помочь им окончательно сломить сопротивление революционных матросов. Командир немедленно направил на крейсер две роты пехоты и отряд жандармов. Жандармы и солдаты избивали матросов прикладами, топтали ногами. Уже мертвого, Нефёда Лобадина искололи штыками».

А вот как вспоминал о тех же событиях Н.Н. Крыжановский: «В 6 часов вечера, во время ужина, настроение команды было подавленное и озлобленное. Кондуктор артиллерийского отряда Давыдов лежал у себя в каюте на койке, повернувшись лицом к переборке, и, казалось, не жил. Вдруг он вскочил, выбежал по трапу вверх и стал громко призывать учеников к порядку, упрекая мятежников. Несколькими выстрелами бунтарей Давыдов был убит на месте. Лобадин немедленно решил расстрелять всех кондукторов и артиллерийских квартирмейстеров-инструкторов артиллерийского отряда. Была дана дудка: “артиллерийские кондукторы наверх во фронт”. Для кондукторов не было сомнения, зачем их зовут “наверх”. Они выскочили из кают и побежали в палубу. Команда сидела за ужином. Кондукторы прибежали к своим ученикам и стали их просить “не выдавайте”. Прибежали артиллерийские квартирмейстеры-инструкторы и стали понукать учеников: разбирайте винтовки. Ученики бросились к пирамидам.

Поднялся невообразимый шум, топот ног, крики и выстрелы. Это стреляли члены комитета из револьверов, кричали, грозили. Многие из команды, видя начавшуюся междоусобицу, начали хватать винтовки и присоединяться к ученикам или бунтарям.

Сидя под арестом в каюте, мы поняли, что происходит бой, повсюду был слышан нечеловеческий рев голосов. Комитет и боевая дружина держались соединенно и отступили на верхнюю палубу, заняв выходные люки. У люков завязалась ожесточенная перестрелка. Лобадин шепнул кому-то из своих, чтоб шли и убили меня и Саковича.

В это же время группа из учеников и артиллерийских квартирмейстеров, под командой артиллерийского кондуктора, бросилась в офицерскую кают-компанию, чтобы нас освободить. Было дано несколько выстрелов в кают-компанию. Часовой от нашей двери убежал.

Силач писарь схватил лежавшую в кают-компании 2-пудовую гирию для упражнений (наследие плававшего до этого на “Памяти Азова” моего приятеля, известного атлета, инже-

нер-механика И.Л. Франка) и легкими взмахами разбил в щепки деревянную дверь нашей каюты. Перед нами были до крайности возбужденные люди, с ружьями и револьверами. Впереди два кондуктора, один из них раненый. В общем шуме они кричали: “Крыжановский и Сакович, выходите, принимайте команду... мы боремся с бунтарями”. Мне дали револьвер, и я с ним вышел в батарейную палубу. Сакович распорядился поставить уже другой караул у каюты раненого старшего офицера.

В батарейной палубе я нашел вооруженных учеников, квартирмейстеров. Все были страшно возбуждены, все кричали. У люков стреляют наверх, а оттуда отвечают. Внизу, под батарейной палубой, также много бунтовавшей кадровой команды.

Когда мне сообщили ситуацию, я приказал остаться заслонам у люков и проиграл сбор. Собрав команду в батарее во фронт, я разбил ее на отряды. С большим отрядом послал Саковича “очищать низы”, т. е. жилую палубу, кубрики, машинное отделение, кочегарки и прочее. Другой отряд под начальством артиллерийского кондуктора послал в обход, через адмиральское помещение, брать верхнюю палубу. Мазуров прислал записку, написанную каракулями, требовал “списать” всех главарей на берег. Но нужно было еще “взять корабль”.

Скоро мы услышали стрельбу на юте. Ко мне прибежали и сказали, что Лобадин убит. Огонь у люков несколько ослаб, и я с людьми выскочил наверх у кормовой рубки. Огонь стал наверху ослабевать, и мятежники начали сдаваться. Первым на меня выбежал матрос Кротков, член комитета, раненный в ногу, и поднял руки вверх. Несколько мятежников в это время прыгнули за борт и поплыли. Бросился и Коптюк, но все тотчас же были выловлены из воды. Комендор Крючков, член боевой дружины, быстро поплыл к берегу, но был застрелен в воде.

Пленных мятежников я сразу стал сажать в кормовую рубку. Проиграли снова “сбор”, и я скомандовал: “ученики с винтовками на правые шканцы, постоянный состав на левые, без оружия”. Ученикам я приказал ружья взять наизготовку: две половины команды стояли одна против другой. Некоторые мятежники, бросив ружья, оставили в одежде револьверы. Скомандовал “смирно” и стал наизусть поименно выкликать комитет и дружину и сажать всех в кормовую рубку. Многие мятежники поначалу попрятались в катерах на рострах, внизу, в коечных сетках. Их вылавливали и обезоруживали. Тянуть это положение было нельзя. Мятежники еще имели силу.

Чтобы сразу занять людей, я скомандовал: “постоянному составу паровой катер и оба баркаса к спуску изготовить”. На “Памяти Азова” все шлюпки спускались вручную, что требовало участия большого числа людей. Вооруженных учеников я перевел повыше, на мостики, ростры, коечные сетки. Пока я спускал шлюпки, был приготовлен наряд из артиллерийских квартирмейстеров и учеников для конвоирования главных мятежников на берег. Шлюпки спустили, на баркас в весла я посадил членов комитета и дружины и других главных мятежников, на которых команда указывала как на зачинщиков. На кормовом сиденье, транцевой доске и загребной банке сели вооруженные конвоиры с винтовками.

В общем, потери в команде не были большими. Я не помню точно цифры, но сдается мне, что убитых было не более десяти.

В это время ко мне прибежали снизу и сказали, что лейтенант Лосев просит дать ему шлюпку для съезда на берег. Я приказал подать вельбот № 2. На него с балкона сели Лосев, два артиллерийских квартирмейстера и еще кто-то и отвалили на берег. На берегу Лосев дал знать властям о положении на крейсере. В Ревеле в это время не без основания ожидали бомбардировки крейсером города. Пехотные части были рассыпаны возле берега бухты редкой цепью, “под артиллерийский огонь”. Никого с берега в море и обратно не пропускали.

Отправив на берег главных мятежников, я продолжал производить аресты. Дальше было невозможно в этой обстановке производить следствие и точно разбираться, кто был причастен к мятежу, и я решил просто свезти на берег и там арестовать весь постоянный состав команды, оставив на корабле лишь необходимое число людей, для поддержания паров и освещения, из

наиболее надежных. Мичман Сакович занимался организацией службы в низах и установлением вахты в машинах и кочегарках.

В это время к нашему борту пришло первое судно из гавани. Это был крейсер пограничной стражи “Беркут” под командой капитана 1-го ранга Шульца. Он вооружил свою немногочисленную команду и предложил мне взять “сколько угодно мятежников. На “Беркут” я передал раненых на носилках. Снесли и тяжело раненного Мазурова. На “Беркут” я сдал большую часть списываемого постоянного состава.

Наш корабль в это время представлял собой безобразный вид: верхняя палуба загроможена разнесенными гинями и таями. Почему-то разнесены были пожарные шланги, шлюпбалки вывалены за борт, на шканцах стояли носилки с ранеными. Команда была одета как попало. Я стоял на верхней площадке правого трапа с наганом в руках. Отсюда я распоряжался “ликвидацией” бунта.

Одним из первых с берега прибыл полковник корпуса морской артиллерии Владимир Иванович Петров. Он был заведующим обучением на судах отряда и случайно отсутствовал на корабле по службе в ночь восстания. Петров вбежал по трапу и горячо обнял меня. Владимир Иванович всегда благоволил ко мне и часто со мною беседовал. Я его обожал и всегда к нему прислушивался. Он был искренне рад видеть меня живым. Этот чудный человек, великан, похожий на Петра Великого, был точно сконфужен, что не был с нами ночью. “Я приехал помочь, распоряжайтесь мною”, – сказал он мне. Я, конечно, сразу же стал спрашивать его советы и указания».

Несколько комментариев к этой части воспоминаний Н. Крыжановского. Во-первых, настоящие имя Коптюха все же было Оскар Минес, а Коптюх – лишь «партийная» кличка. На самом деле трудно с еврейской фамилией поднимать русских матросов на бунт против русского царя, куда легче делать это, притворившись своим. Оскар Минес родился в Одессе. Вначале он работал слесарем, но, познакомившись с каким-то старым народовольцем, решил, что революция куда интересней, чем вкалывать с утра до ночи на заводе. Вскоре ставший социал-демократом вчерашний слесарь уже вел революционную работу по всему Причерноморью, в том числе и в Севастополе, Одессе и в Николаеве. Минес весьма удачно маскировался под такого прибалтеного «братишку», для чего переодевался в матросскую одежду, пересыпал речь солеными словечками. Минес был смел и неистово жесток. Больше всего ему нравилось расстреливать из револьвера зазевавшихся полицейских. Когда он «засветился» на Черном море, то был отправлен на отдых в благодатную Швейцарию. После заслуженного отдыха Оскар Минес был переброшен на новый участок работы – на Балтику. Именно там, в наступающем 1906 году, должна была состояться решающая битва за флот.

При этом у Минеса-Коптюха, как и у его предшественников Фельдмана и Березовского (на броненосце «Потемкин») и лейтенанта Шмидта (на крейсере «Очаков»), была явная мания величия. Напомню читателю, что в 1905 году во время мятежа на броненосце «Потемкин» одесские «студенты» Фельдман и Березовский, прибыв на броненосец, тут же «для поднятия авторитета» облачились в унтер-офицерскую форму. Лейтенант Шмидт во время восстания на «крейсере «Очаков» облачился в форму капитана 2-го ранга, а на следующий день вообще собирался нацепить на себя «для авторитета» вице-адмиральские эполеты. Правда, не успел! Точно так же действуют и главари мятежа и на «Памяти Азова» и, прежде всего, Минес-Коптюх, самочинно напяливший на себя мичманскую тужурку. Любопытный нюанс. Минес, прибыв на «Память Азова», имел при себе портрет «красного лейтенанта» Шмидта и пачку листов с текстами революционных песен, так сказать, для поднятия революционного духа масс.

Во время своих выступлений перед матросами Минес неизменно выносил портрет «красного лейтенанта» Шмидта. Сам Минес был при этом, как мы уже говорили, в мичманской тужурке. Он же, как «офицер», рассказал матросам о подвиге своего старшего товарища

Шмидта. Портрет одного «красного» офицера и рассказ о нем другого на матросов впечатленье произвели. Раздались голоса:

– Уж ежели и офицеры с нами за революцию, значит, дело верное!

Тем временем активисты раздали матросам листки с текстами революционных песен. После этого Минес первым запел, а остальные присоединились, глядя в листки.

После окончания митинга Минес торжественно повесил портрет Шмидта в ходовой рубке крейсера, сказав оторопелым рулевым:

– Отныне это будет ваша икона!

Любопытно и еще одно свидетельство Н. Крыжановского, гласящее, что поводом к контр-восстанию на «Памяти Азова» послужила подготовка к массовому расстрелу не согласных с мятежниками кондукторов и матросов. Это говорит, прежде всего, об исключительной кровавостности мятежников. Им было мало уже пролитой крови, и они желали ее еще и еще! А чего стоит убийство корабельного механика рашпилем! Именно это запредельное зверство в конце концов оттолкнуло команду от садистов, а потом и подвигло на решительное сопротивление.

Одна из самых распространенных легенд о «Памяти Азова» – это легенда о том, что против революционеров выступили исключительно молодые матросы-ученики. Вот как описывал этих предателей писатель-чекист Лев Шейнин: «Но на крейсере около трехсот матросов служили недавно. Это были молодые крестьянские парни, только в прошлом году призванные во флот. Они еще робели перед начальством, многие из них были неграмотны, и все, что случилось в эту тревожную ночь, казалось им непонятным. Непонятны были речи, которые произносились на митингах. Непонятен новый красный флаг, который взвился над крейсером. Непонятен был восторг команды, с которым она встретила этот флаг. И уж совсем непонятно было будущее, которое ждет и крейсер, и его команду, и эту боевую дружину, которая теперь командовала крейсером». Такой же позиции придерживается и историк-генерал С. Найда.

В отличие от Л. Шейнина и С. Найды, которые невнятно писали о предателях артиллерийских учениках, которые вместе со «шкурами» – кондукторами предательски перебили и пленили всех сознательных матросов крейсера, Н. Крыжановский рисует совершенно иную картину. Практически без всякого участия оставшихся в живых офицеров и при минимальном участии кондукторов сами матросы (причем как артиллерийские ученики, так и часть штатной команды корабля!) дружно выступили против мятежников и подавили смуту. Подобного финала в ходе событий революции 1905 года еще не было. Без всяких карательных команд, без всякого влияния извне, даже без участия офицеров, которые примкнули к оставшимся верными матросам лишь на заключительном этапе схватки за крейсер, матросы сами навели порядок на своем корабле, показав, что в большей своей массе они остались верными России. Дело в том, что команда «Памяти Азова» прекрасно знала об одураченной и брошенной на произвол судьбы команде «Потемкина», о том, как бесследно исчезают профессиональные революционеры, когда пахнет жареным. Геройское поведение команды «Памяти Азова» означало, что с революцией в империи на данном этапе покончено.

Из воспоминаний Н.Н. Крыжановского: «Часа через полтора после списания на берег арестованных участников мятежа из гавани стал приближаться большой портовой ледокол. Вся верхняя палуба ледокола была заполнена стоящей пехотой в походном снаряжении. Ледокол подошел к нашему трапу. На палубе я увидел капитана, командира пехотной роты, и младших офицеров – все в боевом вооружении. Я тотчас же спустился на нижнюю площадку трапа. Капитан отдал честь и сказал, что прибыл помочь восстановить порядок на корабле и просит моих указаний, что делать. Я также отдал честь и сказал капитану, что очень благодарю его за желание помочь нам, но бунт на корабле уже прекращен верной командой, главные зачинщики сданы в тюрьму, а остальных мы постепенно передаем на берег. Поэтому я прошу его не беспокоиться. Ледокол отвалил. Вслед за пехотой прибыло из гавани портовое судно, на котором было несколько жандармов во главе с жандармским офицером. Я опять спустился на нижнюю

площадку трапа, поблагодарил жандармского ротмистра за желание помочь, но на судно их не пригласил.

От командира порта контр-адмирала Вульфа я получил приказание сдать затворы от орудий в порт: все еще опасались возможной бомбардировки города. Хотя распоряжение это было уже не нужно, но все же выполнено, и подполковник Петров отослал в порт ударники от затворов 6-дм пушек.

На корабле мы с Саковичем восстановили вахтенную службу, поставив вахтенными начальниками кондукторов. В нижних палубах были парные патрули учеников с ружьями, вместо обыкновенных дневальных. Настроение команды в большинстве остававшихся учеников было очень нервное и обозленное самоуправством и террором главарей мятежа. На корабле еще оставались и скрывались вооруженные мятежники».

* * *

А вскоре мичмана Николая Крыжановского ждала весьма неожиданная встреча. Представим слово ему самому: «Уже в сумерках я сидел на диване в кормовой рубке на шканцах и чувствовал себя сильно уставшим. Но уйти спать было невозможно – каждую минуту что-то нужно было приказывать, разрешать, не разрешать, кого-то посылать.

Слышу, часовые у трапа и гюйса окликают шлюпку: “Кто гребет?” Затем ко мне прибежали сразу несколько человек из команды и, почти задыхаясь от волнения, перебивая друг друга, говорили: там шлюпка, три вольных спрашивают Лобади́на. Я сразу понял, что это визитеры к мятежникам, еще не знающие, что дело проиграно. Может быть, это тот член Государственной Думы. Я велел ответить, что их просят к борту. В это время вблизи показался наш баркас с конвоем, отвозившим мятежников. Я приказал им взять шлюпку и привести к трапу. На нижнюю площадку трапа я послал двух человек, чтобы сразу осмотреть и арестовать прибывших.

Когда первый из них поднялся на трап, ему скомандовали “руки вверх” и обыскали. Бежать им, конечно, было некуда. Первым по трапу поднялся и вышел ко мне на палубу штатский, интеллигентного вида. Он был бледен, видимо, испуган, но держался спокойно.

– Вы кто такой?

– Я... я доктор Вельский.

– Ваш паспорт.

Паспорт был на имя доктора Вельского. Доктор Вельский был плохо выбрит, одет в пиджачную пару без белья. Однако было сразу видно, что он не из “простых” и нарочно “опростил” свою видимость.

Вторым вышел человек из простого сословия, рабочий. На мой вопрос о фамилии он ответил Иванов. Третьего я знал. Это был бывший матрос, плававший у нас на “Азове”, по фамилии Косарев. Выйдя в запас, он часто к нам приезжал в качестве торговца, привозил продавать съестное. Он-то и греб на своей шлюпке, его, по-видимому, наняли. Шлюпка пришла с восточного берега Ревельской бухты, от развалин монастыря Святая Бригитта, что далеко от города. Со стороны гавани и города шлюпку бы не пустили, так как весь берег был оцеплен войсками. Очевидно, что эта поездка была приготовлена заранее. Невольно я подумал, что это и есть тот обещанный “сановник революции”, член Государственной Думы, про которого говорили мятежники со слов Коптюха. Я теперь не помню, что мне сказал главный гость на вопрос: “Зачем пожаловали?” Кажется, что-то вроде: “Приехали проведать знакомых”, или что-то в этом роде.

У трапа сгрудилась большая группа учеников. Когда “пленники” вышли на палубу, то сзади я услышал полусшепот, полусдавленный голос: “Вы уйдите, Ваше Благородие, мы это тут прикончим”. Я почувствовал и понял, что если я сейчас же не приму мер и не отошлю

“гостей” на берег, то они будут убиты на месте. Не отходя от арестованных, я вызвал одного артиллерийского кондуктора и приказал ему назначить взвод учеников с винтовками и выдать боевые патроны. В присутствии взвода я сказал кондуктору, что арестованные должны быть доставлены в город и сданы властям. При этом, имея в виду, что обозленные ученики смогут убить арестованных по дороге, я сказал кондуктору, что он отвечает мне за их сохранность: если кто их будет отбивать, немедленно стрелять. Всем троим связали “руки назад”. Доктора Вельского я связал сам, для скорости отрезав прядь от талей трап-балки. Все трое были в сохранности доставлены на берег и переданы властям.

Назвавшийся “доктором Вельским” впоследствии оказался известный эсер Илья Исидорович Фундаминский-Бунаков. Интересно, как некоторые случайные детали иногда врезаются в память. Я помню, что когда я раскрыл паспорт на имя доктора Вельского, данный мне Фундаминским, то внутри, на переплете, было карандашом записано: “Швейцарская, 17”. Какой-то адрес. В Ревеле такого не оказалось».

Соратник Фундаминского эсер и террорист Зензинов писал впоследствии о нем следующее: «У нас, в партии социалистов-революционеров, было много прекрасных ораторов. В Москве таким партийным оратором для митингов был Илья Фундаминский, выступавший под фамилией Бунакова. Он был молод и красив, легко владел словом, говорил с большим увлечением и темпераментом и увлекал аудиторию. Его любимой темой был аграрный вопрос, в котором он сделался настоящим специалистом... ему дали кличку “Непобедимый”. У него была еще и другая кличка: Лассаль, и, действительно, своим пламенным красноречием и даже отчасти своей внешностью он чем-то напоминал знаменитого трибуна... Так, например, было дело в Москве, в Таганской тюрьме, где администрация тюрьмы не хотела выпустить из тюрьмы моих друзей – Илью и Амалию Фундаминских, арестованных за месяц до того (в сентябре) по делу об устройстве Зинаидой Коноплянниковой в окрестностях Москвы динамитной мастерской (Амалия дружила с Зинаидой Коноплянниковой и по дружбе оказывала ей разные мелкие услуги, за что и была арестована. Фундаминские были выпущены лишь по требованию толпы, подступившей черной массой к воротам тюрьмы)».

До событий на «Памяти Азова» Фундаминский уже успел засветиться в революционной борьбе и даже побывать в тюрьме, что считалось тогда у революционеров своеобразным пропуском в высшие партийные эшелоны.

Далее Зензинов повествует, за что же арестовали семью Фундаминских, немного более подробно: «Он был вместе с Амалией арестован в Москве в сентябре (речь идет о 1905 году. – В.Ш.) не столько за выступления на собраниях и митингах, сколько по делу своей жены; Амалия дружила с Зинаидой Коноплянниковой (позднее убившей генерала Мина), которая тогда устраивала в Сокольниках под Москвой динамитную мастерскую. Амалия даже в чем-то ей помогала, кажется, не раз отвозила Коноплянникову на принадлежавшей ее матери лошади, когда надо было спастись от преследования сыщиков. Известие об аресте Фундаминских я получил еще в Женеве. Амалия принадлежала к очень богатой московской семье Гавронских: ее дед был хорошо известный в еврейских кругах Вульф Высоцкий, основатель знаменитой чайной фирмы “В. Высоцкий и Ко”. Продолжателями этого дела были его сын и три зятя (мужья трех его дочерей) – Давид Высоцкий, Осип Цетлин (его сын, Михаил, он же поэт “Амари”, был моим другом), Рафаил Гоц (отец Михаила Рафаиловича и Абрама) и Ошер (или Иосиф) Гавронский. Его дочерью и была Амалия». Но вот Амалия попадает в тюрьму. Ей там тяжело, но она не унывает, у нее есть любящие родственники, которые ее поддерживают: «Мать – мы все, со слов Амалии, ее тоже называли “мамаша”, – обожавшая ее больше всех своих других многочисленных детей, узнав об ее аресте, едва не сошла с ума от горя. Она билась головой о стены и кричала: “Е зо айн файнес, эдлес кинд ин финштерем гефенгнис!” (Такой чистый, благородный ребенок в темной мрачной тюрьме). И, действительно, Амалия в тюрьме походила на нежный цветок, затерявшийся в грязном огороде среди крапивы. И

характерно для того времени: матери Амалии удалось добиться того, – она, конечно, для этого денег не жалела, да она и вообще не знала им цены, – что одиночку Амалии, конечно, совершенно такую же, как и у всех других заключенных Таганской тюрьмы, оклеили... обоями. Дело до того неслыханное! Амалия была вегетарианка, и “мамаша” добила того, что тюремный повар готовил для нее специальные блюда. Амалия получала огромные передачи, среди которых было много конфет и цветов – то и другое она рассылала по всей тюрьме.

В камере ее пахло духами – духами, как мне потом передавали, сидевшие с ней одновременно в Таганской тюрьме, пахло даже в коридоре, куда выходила ее одиночка. И принципиальные марксисты, наблюдая всё это и нюхая в коридоре – вероятно, не без тайного удовольствия – воздух, неодобрительно крутили головами». После освобождения из тюрьмы Илья и Амалия снова бросаются в водоворот революционного движения. Эсер Зензилов пишет об этом так: «Мы спешно мобилизовали все средства, все возможности. Фундаминский часть полученного им за Амалией приданого отдал партии – если не ошибаюсь, несколько десятков тысяч рублей. На все эти деньги были куплены маузеры. И никто тогда не нашел это странным. Социалист-революционер и не мог поступить иначе – это, помню, тогда ему даже в особую заслугу не ставилось. Амалия тоже несколько об этих деньгах не жалела, хотя сама непосредственного участия ни в делах партии, ни в революции не принимала».

Как мы помним, приданое было более чем серьезным. В 1903 году Фундаминский женился на подруге детства Амалии Гавронской, внучке знаменитого богатейшего чаеоторговца Высоцкого, получив за женой огромное приданое, в частности собственную немалую долю в чайных плантациях на Цейлоне. Вот такой, понимаешь, вожак русских матросов.

Если члены ЦК партии эсеров Азеф и Чернов «курировали» подготовку мятежа в Свеаборге, а в Кронштадте мутили воду эсеровские авторитеты Оникко и Михалевич, то их коллега эсер-боевик Фундаминский должен был стать в главе мятежа на «Памяти Азова» и привести его в Свеаборг.

Пикантность ситуации заключалась в том, что, в отличие от всех своих остальных поделывиков, Фундаминский был к этому времени депутатом Государственной думы – главного законодательного органа империи! Согласитесь, неплохое прикрытие для организатора мятежа, боевика и террориста! Опыт кровавых дел у депутата уже был, в декабре 1905 года он активно участвовал в вооруженном мятеже в Москве и вовремя сумел оттуда удрать.

Из хроники восстания: «Арестованными оказались представитель Ревельского комитета РСДРП М. Костырев – матрос, служивший ранее на крейсере “Память Азова”, некто В. Иванов (в действительности это был посланец большевистской военной организации Кронштадта П. Леушев) и эсер П. Фундаминский».

Из показаний корабельного писаря Евстафьева: «...Косырев (спутник Фундаминского. – В.Ш.) ...объяснил... что он товарищ всем матросам, другой (сам Фундаминский. – В.Ш.) сказал: я – представитель Кронштадта».

На этот раз депутату-боевику снова не повезло. Он не успел прибыть вовремя на борт мятежного крейсера и возглавить мятеж. Опоздал-то всего на пару часов! Впрочем, вскоре Фундаминский, возможно, был этому даже рад. Вместе с Фундаминским-Бунаковым в шлюпке были взяты еще два видных эсера – Косырев и Леушев. После допроса все трое были отправлены под конвоем на берег и посажены в башню «Маргарита» Вышегородского замка, и содержались там до суда.

* * *

Из воспоминаний Н. Крыжановского: «Уже было темно, когда с берега прибыл какой-то капитан 1-го или 2-го ранга, служивший в Ревельском порту (это был капитан 1-го ранга князь Ливен. – В.Ш.), и сказал, что командир порта прислал его для временного командования

крейсером. Новоприбывший капитан сказал мне, чтобы я продолжал налаживать все, как делал до него, а он посидит внизу. Ему я дал охрану из учеников и больше его не беспокоил.

Поздно вечером, часов, полагаю, около 11-ти, с моря показался идущий большим ходом эскадренный миноносец. Входя с моря на рейд, он позывных не делал. Я сейчас же приказал делать клотиком наши позывные. Ответа не последовало. Тогда я стал спрашивать: “Покажите ваши позывные”. Ответа опять нет. Мне это сразу показалось подозрительным. Или этот миноносец идет нас взрывать, не зная, что мятеж ликвидирован, или это “революционер” идет взрывать нас за ликвидацию бунта.

Я проворно распорядился убрать команду с юта и кормовых помещений, так как миноносец держал нас под корму. Сам я встал на ют на фальшборт, под кормовым якорным огнем, чтобы меня в форме не было видно. В ночной тишине было четко слышно, как зазвенел машинный телеграф на мостике миноносца, который уменьшал ход, держа нас под корму. Теперь можно было различить, что минные аппараты стоят по траверзу, т. е. приготовлены для выстрела минами. На мостике и на палубе чернеет много народу. Много офицеров и корабельных гардемарин, с револьверными шнурами...

Ближе... ближе... Телеграф снова звонит... Задний ход. Миноносец остановился.

– Кто вы такой? – спрашивает голос с мостика.

– Мичман Крыжановский.

– А командир у вас есть?

– Командира нет, но есть временно замещающий. Бунт ликвидирован. У нас все в порядке.

– Есть у вас еще офицеры?

– Есть, мичман Сакович.

– Хорошо. Пришлите его ко мне.

Сакович на баркасе отвалил на миноносец. Я послал разбудить портового офицера. Он выскочил заспанный.

Баркас вернулся с миноносца. На нем прибыл капитан 1-го ранга Бострем, начальник гардемаринского отряда, с ним офицеры и корабельные гардемарины. Удостоверившись в том, что все на крейсере приведено в порядок, Бострем отбыл обратно на миноносец и ушел в море. Оказалось, что Бострем шел взрывать бунтующий “Азов”, и только подходя к Ревельскому рейду, получил радио о том, что мятеж ликвидирован. Если бы радио сразу не разобрали, быть бы нам взорванными.

Ночь я почти не спал, сидя на диване в кормовой рубке. На вахте стояли кондукторы. В палубах были парные вооруженные дневальные. Мы с Саковичем бодрствовали поочередно и вместе спать не уходили. В жилой палубе, в парусной каюте, забаррикадировался баталер Гаврилов, член комитета, отстреливался и не сдавался. Рано утром он, видимо, уже пал духом и стал кричать, что готов сдаться, но требовал офицера, а матросам не сдавался.

Я пошел к нему на переговоры. Гаврилов хотел сдаться, но боялся мести со стороны учеников. Я ему обещал, что если он сдастся, то его не тронут и я его передам властям на берег. Гаврилов выбросил ко мне револьвер, потом вышел и упал на колени. Вид у него был ужасный, очевидно, он не спал уже двое суток, ожидая смерти, и был в истерике. Его я сейчас же под конвоем отправил на берег, в тюрьму.

С утра начали прибывать всевозможные власти, и отдыха для нас не предвиделось. Начались назначения. Командиром был назначен капитан 1-го ранга Александр Парфенович Курош. Только что перед этим, во время восстания Свеаборгской крепости в Гельсингфорсе, Курош своими решительными и смелыми действиями предотвратил революционные эксцессы на миноносцах.

Курош человек храбрый и решительный, и при этом громкий и “авральный”. Был он полон решимости бороться с революцией, и был в состоянии повышенной нервности. При-

быв на крейсер, он увидел полный хаос среди личного состава: офицеров нет, вместо команды ученики, комендоры и пр. Не было еще исправленных списков команды. И вот опять мне и Саковичу пришлось сидеть и составлять списки. Курош рвал и метал, нервничал... Так что выпасться удалось нескоро. С гардемаринского отряда были назначены офицеры для производства дознания. Из главного военно-морского судного управления приехал следователь Фелицын для общего руководства дознанием, следствием и судом.

В Ревеле на якоре стоял отряд судов, назначенных для плавания с корабельными гардемаринами, в составе: броненосцев “Цесаревич”, “Слава” и крейсера “Богатырь”. Отрядом, под брейд-вымпелом, командовал капитан 1-го ранга Бострем. С этого отряда и был назначен суд особой комиссии над участниками восстания.

К концу июля следствие было окончено, и суду было передано 95 человек: 91 матрос и 4 штатских. Прочая команда постоянного состава была реабилитирована и возвращена на корабль.

Еще на второй день после бунта, вечером, на крейсер прибыл паровой катер командира порта и передал мне приглашение адмирала Вульфа прибыть к нему на дачу к чаю и лично сообщить обо всем происшедшем. Хотя я плохо держался на ногах от усталости, но немедленно же “чище переоделся” и отвалил на катере в гавань. Приглашение адмирала равносильно приказанию. От пристани я поехал на извозчике на дачу адмирала, в парк Екатериненталь. Сам адмирал Вульф и его семья приняли меня как родного, расспрашивали обо всем, сочувствовали и всячески меня обласкали. Было так странно и необыкновенно сидеть в этой, столь мирной, обстановке, за уютным чайным столом, в кругу милой большой семьи. После жизни “наheckу с револьвером” даже не верилось, что такое бывает.

А на другой день мне было сказано жандармским офицером, чтобы я не очень “раскачивал по ночам”, если не хочу получить пулю. Местные Ревельские революционеры нами усиленно занимались. Наши раненые боялись оставаться в береговом лазарете, т. к. им угрожали убийством.

Убитые в восстании были похоронены на ревельском кладбище. Через сутки после похорон обнаружилось, что могила кондуктора Давыдова растоптана, крест сорван, цветы унесены. Могила Лобади́на была украшена цветами...

В бухте Папонвик выловили из воды тело убитого мичмана Збаровского. Его привезли в Ревель, и я был вызван на опознание. С “Азова” была наряжена рота для отдания почестей при похоронах, и я был в наряде с этой ротой. Из полицейских и жандармских источников было передано, что на процессию может быть произведено покушение, т. е. могут бросить бомбу или обстрелять роту. С разрешения командира людям были розданы боевые патроны, кроме холостых, для салюта. Слава Богу, все обошлось благополучно. Но “раскачивать” по городу теперь вообще было опасно».

Известие о восстании на крейсере «Память Азова» пришло в Морское министерство днем 20 июля. Телеграммы об этом прислали из бухты Папонвик командиры крейсеров «Абрек» и «Воевода». Они были немедленно доложены императору Николаю. Морской министр адмирал Бирилев также сообщил, что на поиски восставшего крейсера им направлена из Гельсингфорса эскадра капитана 1-го ранга Бострема с задачей принудить восставших сдаться или потопить корабль. «Одобряю данное вами приказание капитану 1-го ранга Бострему», – написал в резолюции Николай II. Но ничего этого не понадобилось...

Глава пятая. Суд над мятежниками

Однако нам пора вернуться к главной теме нашего повествования – к мятежу на броненосном крейсере «Память Азова». Корабли эскадры капитана 1-го ранга И.Ф. Бострема только закончили подавление мятежа в Свеаборге (об этом мы еще будем говорить подробно), когда было получено тревожное сообщение о новом мятеже, на этот раз на «Памяти Азова». На всех парах корабли немедленно устремились навстречу мятежному крейсеру. Но все закончилось раньше подхода кораблей. Придя на рейд Ревеля, они окружили «Память Азова». Тогда же Иван Федорович Бострем получил и указание организовать следствие и суд над мятежниками. Бострем ответил телеграммой, что не может этого сделать, так как «Память Азова» не входит в состав его эскадры, а является флагманом учебно-артиллерийского отряда. Бирилев немедленно шлет ответ – приказ о включении крейсера в состав практической эскадры Бострема. Теперь командующий эскадрой уже имел право привлекать мятежников к ответственности за содеянное. Судить мятежников было решено на основании 90-й статьи Военно-морского устава о наказаниях, которой предусматривался суд «особой комиссии». Эта комиссия назначалась командующим эскадрой из числа корабельных офицеров. По сути, это был военно-полевой суд, который проводился в сжатые сроки, да и приговоры выносились такими судами нештучные. Утверждение приговоров осуществлялось на месте командующим эскадрой. При этом не предусматривалось и никакой кассации. Получив все полномочия, Бострем немедленно приступил к дознанию. Сначала планировали всех арестованных доставить на один из кораблей эскадры, но потом от этого отказались. Численность арестованных составляла 260 человек (в ходе дознания большую часть матросов сразу освободили), разместить такое количество подследственных на одном корабле не представлялось возможным. По этой причине и дознание, и суд было решено проводить в Ревеле. Зачинщиков разместили в губернской тюрьме в замке на Вышгороде и в башне «Толстая Маргарита», менее виновных – в казармах 90-го пехотного Онежского полка. Дознание велось ускоренными темпами и было закончено уже через неделю. Вина мятежников была очевидна, свидетелей также хватало. Руководил следствием срочно прибывший из Петербурга главный военно-морской прокурор. После проведения следствия были освобождены еще 169 человек, чья вина не была доказана. В суд были переданы дела на 91 человека. Остальным было велено забрать свои личные вещи с корабля, после чего их отправили на транспорте «Лахта» в Кронштадт.

Еще вылавливали последних боевиков в окрестностях Свеаборга, еще звучали последние выстрелы провалившегося мятежа в Кронштадте, а в Ревеле уже начался судебный процесс над участниками мятежа на броненосном крейсере «Память Азова». В конце июля власти закончили следствие по делу о восстании на крейсере «Память Азова», и 30 июля начался суд особой комиссии, под председательством командира броненосца «Слава», капитана 1-го ранга Русина. Членами суда были командир крейсера «Богатырь» капитан 1-го ранга Гирс и несколько офицеров с других кораблей.

Отметим, что суд над мятежниками крейсера «Память Азова» был публичным и широко освещался в прессе. А кронштадтская городская газета «Кронштадтский вестник» отводила освещению хода процесса ежедневно более половины своих полос.

Из воспоминаний Н. Крыжановского: «1 августа начался суд особой комиссии в старом губернаторском доме на Вышгороде, в старой части Ревеля. Рядом с этим домом была небольшая военная тюрьма. Губернатор в этом доме не жил. Заседания суда, продолжавшиеся до поздней ночи, охранялись пехотным караулом, и прилегающие улицы – конными казачьими разъездами. Как главному свидетелю, мне пришлось присутствовать на всех заседаниях и по окончании их, поздно ночью, возвращаться в порт на катер и на корабль.

Состав суда особой комиссии был назначен из офицеров гардемаринского отряда судов и заседал ежедневно в гардемаринском доме с 1 по 4 августа. Суду было предано 95 человек по обвинению в вооруженном восстании. Самая тяжкая статья военно-уголовного кодекса гласит приблизительно следующее (цитирую по памяти): «Вооруженное восстание в числе 8 и более человек, поставившее своей целью ниспровержение государственного строя или порядка престолонаследия, карается смертной казнью через повешение». На следствии и суде мало кто из подсудимых держал себя твердо. Врали, оправдывались, сбивались и противоречили, обвиняли во всем убитых. Но несколько человек было твердых, выдержавших марку до конца. Было совершенно изумительно смотреть на “вольного” Коптюха. Тощий, тщедушный, бледный, он выглядел ребенком среди дородных матросов с шеями, на которых “дугу гнуть можно”. Коптюх был вытащен из воды и наскоро одет: полосатая матросская тельняшка и клеенчатые брюки дождевого платья. Так он просидел весь суд. Вот этот слабый с виду человек брал на себя все преступления: он стрелял, он убивал всех офицеров. На самом деле он просидел арестованным, в ванне, весь бунт».

Попытка Коптюха выгородить матросов и взять вину на себя вызывает уважение. Даже Крыжановский, которому во время бунта грозила смерть и который потерял своих товарищей, отдает должное Коптюху-Минесу. По всему видно, что это был опытный боевик. Вот как он и его деяния описываются в очерке «Бунт на борту» М. Зуева-Ордынца, опубликованном в журнале «Искатель», выпуск № 1 1963 года. Это, конечно, произведение полухудожественное, однако написанное на основе реальных событий.

Итак, предоставим слово М. Зуеву-Ордынцу: «...Как это часто бывает на Балтике даже в июле, погода неожиданно испортилась. С севера налетел шторм. Он бушевал всю ночь, а когда к концу следующего дня море стихло, в устье реки Пирита, возле Ревеля, волны выбросили на берег утопленника. Казалось бы, дело самое обычное, понесло какого-то чудака горожанина на ночь глядя в море кататься, вот и докатался. Для такого происшествия достаточно и околоточного. Но труп утопленника почему-то огородили от зевак цепью городских и жандармов, приехал пристав, потом сам полицмейстер и два жандармских офицера. Труп был отправлен в морг, но и там осматривать его никому не разрешили. Ревельская газета “Эстляндские губернские ведомости” напечатала в отделе происшествий заметку под интригующим названием “Тайна моря”, в которой сообщала, что утопленник, видимо, из простонародья, одет по-рабочему, но личность его не установлена. К трупу не подпустили даже репортеров, поэтому они не могли сообщить читателям, что на трупе обнаружено пять огнестрельных револьверных ран, все в грудь и все в упор.

Об этих ранах и шел серьезный разговор в кабинете начальника Ревельского жандармского управления полковника Мезенцева.

– Никакой тайны нет, – сказал, откладывая газету, глава политического сыска в Эстляндии. – Все ясно! Убит наш осведомитель. А он последнее время давал очень ценные сведения о связи ревельских рабочих с матросами.

– Особенно с крейсером “Память Азова”, – согласно кивнул заместитель Мезенцева подполковник Никишин. – Имеем подозрения, что на крейсере есть большевистский комитет, связанный с берегом. На днях к крейсеру подплыла лодка, и сидевшая в ней барышня перебрала на палубу сверток. Конечно, нелегалщина!

– Усильте наблюдение за крейсером!»

По версии автора документального очерка, разоблачение агента, которого М. Зуев-Ордынец именует «Лопоухим», произошло следующим образом:

«И в этот момент они (революционеры. – В.Ш.) услышали голос Лопоухого. Он стоял выше их на склоне дюны и громко, насмешливо говорил:

– Все совещаетесь о мерах безопасности? На меня надейтесь, товарищ Минес, грудью прикрою тебя от царских пуль и штыков!

– Идемте вниз, спускайте лодку на воду, – приказал Минес.

– Зачем? – удивился Лопухий. – К эскадре поплывем ночью, а она еще и не пришла.

– Нужно осмотреть рейд, выбрать короткий и скрытый подход к кораблям.

Когда лодка отошла от берега так далеко, что деревья казались низеньким кустарником, а людей и вовсе не различить, Минес окинул взглядом море. Ни дымка, ни паруса на горизонте. Тогда он посмотрел в упор на Лопухого.

– Дай твоё письмо к невесте!

– Вы что?.. Вы с ума сошли? – взвизгнул Лопухий, схватившись обеими руками за борт. Он, видимо, хотел выброситься из лодки. Но три револьвера усталились на него. Эдуард вытащил из его кармана письмо к “невесте”, которое оказалось донесением в жандармское управление.

Минес прочитал его вслух. Фамилии товарищей из дружины и городского комитета РСДРП. Против каждой фамилии – домашний адрес. Затем предложение выдать боевую дружину, подпольную типографию и судовые партийные комитеты учебного отряда. Все за десять тысяч рублей.

Минес кончил читать. Точку поставили три выстрела в упор. Убитый провокатор упал навзничь на корму, и Эдуард выстрелил в него еще два раза. В глазах юноши стояли слезы ярости и ненависти. Труп выбросили в море, привязав к нему лодочный верп. Но от разыгравшегося через несколько часов шторма якорек, видимо, отвязался, и труп принесло в устье Пириты, на радость жандарму Мезенцеву».

Честно говоря, мне не очень верится, чтобы опытный агент был столь легко разоблачен. К тому же автор очерка не приводит никаких документальных доказательств, а описывает разоблачение и казнь агента охранки, как художественный рассказ. Но в жизни, как говорится, бывает всякое.

* * *

Но вернемся к судебному процессу. Из воспоминаний Н. Крыжановского: «Во время суда арестованные, кроме трех штатских “гостей”, содержались вместе. В маленьком зале заседания 95 подсудимых сидели внушительной толпой против суда. Пехотных часовых было мало, и по тесноте они стояли вплотную к подсудимым, сидящим на скамейках. И вот начался заговор подсудимых: броситься на суд, на стражу, вырвать ружья, перебить всех и бежать. Однако один ученик, арестованный по ошибке, услышал такой разговор и сообщил по начальству. Караул усилили.

К 3 августа следствие и делопроизводство были закончены, и суд предоставил подсудимым последнее слово в свое оправдание. За исключением нескольких главварей, большинство участников мятежа начали опять жалобными голосами рассказывать, как “от выстрелов сильно испугался” и “пошел в галюны”, и там просидел все время, ничего не видел. А потом Лобадин их потребовал и заставил делать то или другое, угрожая револьвером.

Во время бунта было убито: 6 офицеров, тяжело ранено 2, ранено 4, контужено 2, взято в плен 3; кондукторов: убит 1, ранено 2. Убито много нижних чинов. По рассказам подсудимых на суде можно было получить впечатление, что всех убили и ранили Лобадин и Коптюх.

Последнему слово было предоставлено Фундаминскому. Фундаминский – великолепный оратор. Он совершенно владел собой и произвел большое впечатление на аудиторию. Он говорил долго, убедительно, логично, спокойно, располагаяюще. Была в этом “последнем слове” такая разительная разница от примитивных слов матросов...

В 1 час ночи 4 августа приговор суда был объявлен. Первыми в зале заседания были вызваны 17 главных мятежников и Коптюх. Для этих было ясно, что их ждет смерть. 18 человек были приговорены к повешению, с заменой казни расстрелом (если говорить о ныне модных

двойных стандартах, то следует отметить, что суд над адмиралом Небогатовым, сдавшим в плен за 14 месяцев до этого целую эскадру, был совсем другим. Небогатов так и не был наказан и окончил жизнь дома в своей кровати. По тому, как кого судили, ясно видно, что у царя главным врагом был все же собственный народ).

Все осужденные к смерти были люди, стрелявшие в офицеров или кондукторов, и являлись главарями и вдохновителями мятежа. Не все члены комитета и дружины были приговорены к смерти, так же как не все те, кто действовал с оружием в руках. Я помню, что маляр Козлов был замечен стрелявшим из ружья в среде мятежников. Однако ему присудили 12 лет каторжных работ.

Из 95 подсудимых 18 были приговорены к смертной казни; около 40 человек к различным наказаниям, от 12 лет каторжных работ до простого дисциплинарного взыскания. Остальные оправданы. Штатские: Фундаминский, Иванов и Косарев были нашим судом переданы прокурорской власти и отправлены в Петербург для разбора их дела в военно-окружном суде.

По прочтении приговора некоторые из осужденных к смерти стали просить о пощаде, а баталер Гаврилов упал на колени и стал жалобно всхлипывать и просить. Часть держалась твердо. И, конечно, не моргнул “вольный” Коптюх.

Затем ко мне пришел солдат из караула и сказал, что подсудимые просят меня прийти к ним. Бывший тут же жандармский офицер запротестовал, опасаясь за меня, но я все же пошел. В комнате, где были подсудимые, ко мне подошли несколько человек. Они просили исполнить их последние завещания. Один просил записать адрес брата и послать ему серебряные часы – “лежат в моем малом чемодане”. У другого – новые сапоги. Я все записал, и поручения были исполнены. Свидание было тяжелое. Вскоре их вывели из подъезда в сад. Несколько голосов затаило: “Мы жертвою пали в борьбе роковой...”

Через четверть часа был залп. Расстреливала местная сотня казаков. Между начальниками местных властей был брошен жребий, кому производить экзекуцию. Жребий пал на казаков. Позже командир и эстонская команда ледокола получили много угроз за вывоз тел в море от местных революционеров».

* * *

Итак, за что же конкретно были объявлены смертные приговоры? Справедливо ли поступили судьи, и нет ли среди осужденных на смерть невинных? Посмотрим конкретные обвинения. Первым по списку идет, разумеется, Арсений Иванов Коптюх (он же Степан Никифоров Петров) – «...принял руководство восставшей командой... организовал комитет мятежных матросов по управлению кораблем... предлагал возмутившейся команде убить раненого старшего офицера крейсера, капитана 2-го ранга Мазурова и мичмана Саковича... переодевался в офицерскую форму». Далее гальванер, квартирмейстер 1-й статьи Петр Колодин – «был вторым, после убитого Лобадина, руководителем вооруженного мятежа на крейсере...» Наверное, не было еще в истории человечества государства, законодательство которого бы ни приговорило к смертной казни предводителей пиратского захвата военного корабля.

Далее – не менее интересные персонажи. Баталер 1-й статьи Степан Гаврилов – «...был одним из главных руководителей, был избран в комитет по управлению кораблем... стрелял в артиллерийского кондуктора Давыдова...» Машинный содержатель 2-й статьи Иван Аникеев – «...при начале мятежа стоял за машинным люком с винтовкой, был также с винтовкой на паровом катере, гнался за спасшимися офицерами, обезоруживал офицеров, оставшихся на корабле... выстрелом из револьвера ранил кондуктора Огурцова». Старший комендор Артамон Богданов – «стрелял из 47-мм пушки Гочкиса по таранному баркасу, на котором спасались офицеры, принес и по своей инициативе установил 37-мм пушку на паровом катере для погони за таранным баркасом, пошел на нем и произвел 2 выстрела из означенной пушки,

стрелял из 47-мм пушки по миноносцам, при усмирении мятежа... убил выстрелом кондуктора Давыдова». И Гаврилов, и Богданов – самые настоящие убийцы, в какие революционные одежды их ни ряди.

Артиллерийский квартирмейстер 2-й статьи Трифон Костин – «стрелял из револьвера через запертую дверь в каюту старшего механика, открыл дверь в каюту и произвел еще выстрел в грудь раненого уже старшего механика подполковника Максимова». Трифон Костин не просто убивал, он... добивал раненого. Наверное, делал это исключительно из сострадания к тому.

Телеграфный квартирмейстер 2-й статьи Николай Баженов – «...пользовался радиографом, умышленно искажая смысл получаемых телеграмм для поддержания мятежного духа... посылал ложные радиограммы с мятежными целями... при подавлении мятежа стрелял из револьвера в люк по усмирявшей мятежников команде». Этот просто расстреливал всех, кто ему попадался на пути, тоже, видимо, из лучших побуждений.

Хозяин трюмных отсеков Дмитрий Григорьев – «...хвалился тем, что прикончил лейтенанта Захарова, гнался с оружием за кондуктором Коноваловым, с намерением убить его, приняв ошибочно за офицера, советовал мятежной команде добить оставшихся в живых офицеров». Этот и сам убивал, и других призывал убивать.

Может, приговоренный к расстрелу гальванер Василий Кузнецов – агнец божий? Увы, нет: «...подавал беседки с патронами к 6-дюймовым орудиям для стрельбы по минному крейсеру “Абрек”, при подавлении мятежа стрелял из револьвера в усмирявших...»

Ученик гальванера, матрос 1-й статьи Ефим Потапов – «...прикладом ружья бил по голове раненого лейтенанта Захарова, в чем впоследствии хвастался перед командой, показывая ободренные руки об мушку и прицел ружья...»

На этом персонаже, как говорится, пробы ставить некуда! Согласитесь, далеко не каждый сможет хладнокровно мозжить прикладом голову еще живому человеку, а затем еще и цинично этим хвастаться.

Ученик комендора матрос 1-й статьи Павел Пенкевич – «...отнял у часового... ящик патронов, ходил на паровом катере с винтовкой в погоню за таранным баркасом, стрелял из 47-мм орудия по миноносцу “Летучий”...»

Ученик гальванера, матрос 1-й статьи Дмитрий Котихин – «...освободил арестованного в судовом карцере (Коптюха. – *В.Ш.*), прогнав часового, стрелял из 6-дюймового орудия по минному крейсеру “Абрек”, после предложения именующего себя Коптюхом убить старшего офицера и мичмана Саковича... крикнул: “А старшего офицера и Саковича на закуску”, при подавлении мятежа стрелял в усмирявших». Советские историки писали, что несознательные молодые матросы, запуганные кондукторами, подняли на «Памяти Азова» контрреволюционный мятеж. Как мы видим, среди учеников артиллерийского отряда вполне хватало и «сознательных», которые и офицеров убивали, и в товарищей стреляли.

Матрос 1-й статьи Иван Коротков – «...при начале бунта стрелял в командира и вахтенного начальника, ходил на паровом катере, преследовавшем таранный баркас со спасавшимися офицерами... подговаривал, угрожая смертью, убивать кондукторов». Конкретного убийства Короткову вменить не получилось, выкрутился, но уже и того, что он сделал, с лихвой хватит на два смертных приговора.

Машинист 1-й статьи Иван Бортников – «...зверски истязал раненого старшего механика подполковника Максимова, ударяя рашпилем его по лицу, а затем похвалялся этим, насильно заставляя вестового старшего механика выслушивать от него подробный рассказ об этом зверстве, привязал груз к ногам убитого и выбросил тело за борт».

Деяния машиниста Бортникова вообще за гранью человеческого. Каким же надо было быть садистом, чтобы «зверски истязать... ударяя рашпилем по лицу». Кстали, он не бил плашмя, а вгонял рашпиль в рот умирающего, кроша ему зубы и язык, пронзая горло. Это, судя

по всему, доставило Бортникову столь огромное наслаждение, что об этом он потом, смакуя жуткие детали, рассказывал насмерть перепуганным сослуживцам.

Остальные «невинные» тоже не намного лучше. Строевой квартирмейстер Андрей Шилин – «...стрелял из винтовки в кондуктора Шевелева и артиллерийского квартирмейстера Шадрина, при подавлении мятежа стрелял в умиривших».

Комендор Алексей Крючков – «...стрелял с крейсера из 47-мм орудий по минному крейсеру “Воевода” и миноносцам...» Ученик комендора матрос 1-й статьи Арсений Кудряшев – «...стрелял по миноносцу “Летучий” из 47-мм пушки, донес бунтовщикам о готовящемся подавлении мятежа...» Ученик комендора матрос 1-й статьи Григорий Болдырев – «...состоял в комитете по управлению кораблем, при начале подавления мятежа вызывал боевую дружину, стрелял в нижних чинов, подавлявших мятеж...»

Все вышеупомянутые персонажи были приговорены судом к расстрелу. Справедливо или нет? Думаю, что совершенно справедливо.

Ну а кто и за что были осуждены на предельный срок каторжных работ, то есть на 20 лет?

Маляр Иван Козлов, «при аресте именуемый себя Коптюхом, был усмотрен спящим с ним в одной койке, целился в нижнего чина и, будучи остановлен последним, заявил, что предполагал, что это офицер». Маляр Павел Пелевин – «участвовал в убийстве лейтенанта Захарова, был вооружен. Состоял в комитете по управлению кораблем». Комендор Василий Крикунов – «целился во время подавления мятежа из револьвера в кондуктора Лавриненкова, но не выстрелил, так как ему помешали умирившие мятеж нижние чины». Ученик сигнальщика Митрофан Меркулов – «по приказанию мятежников подымал сигналы другим судам о присоединении к мятежному крейсеру».

Осужденные на 12 лет каторжных работ, т. е. не руководители мятежа, но их активные пособники: «Комендор Яков Вертиков – ...был на катере с винтовкой в погоне за таранным баркасом, участвовал в отнятии у часового ящика с патронами...» Минный машинист Логин Осадчий – «...при начале мятежа умышленно остановил динамо-машину, вследствие чего на крейсере наступила полная темнота, способствовавшая планам мятежников».

Все остальные участники мятежа на крейсере, кто активно не способствовал мятежу и на ком не было конкретной крови, получили не столь уж большие сроки. Четверо были осуждены на 8 и 6 лет каторги, остальные вообще получили по два года в исправительно-арестантских отделениях, по два и одному году дисциплинарных батальонов, а то и вовсе по два месяца военно-исправительной тюрьмы.

В целом, как мы видим, приговоры участникам мятежа на «Памяти Азова» вполне заслуженные и справедливые. Никто не был осужден судьями огульно. С каждым отдельным участником мятежа разбирались вполне конкретно, и каждый из них получил в полном соответствии со своими «заслугами». Если на минуту представить, как расправились бы с участниками подобного выступления в 30–50-е годы, то можно ответственно сказать – участники мятежа 1906 года на крейсере «Память Азова» были наказаны даже излишне снисходительно.

* * *

Дело трех «вольных» подсудимых – Фундаминского, Иванова и Косарева – было перенесено в Санкт-Петербургский военно-окружной суд, и слушание началось осенью в здании окружного суда. Этот суд был военный, но отнюдь не «полевой». На суде была первоклассная частная защита, допускались любые свидетели. Защитниками Фундаминского были присяжные поверенные Плансон, Зарудный, Малянтович, Соколов и Булат – все свои, проверенные революционерами люди.

Из воспоминаний мичмана Н. Крыжановского: «Казалось, кто мог быть свидетелем на этом процессе. Я, Сакович, пара кондукторов флота и несколько матросов. Для меня этот суд

тогда был необыкновенно интересным. Я никогда не видел судопроизводства, а тут все было так “умно” и неожиданно для неискушенного 19-летнего мичмана. Суд расспрашивал меня обо всей истории сначала, самым подробным образом. Оглашались всевозможные документы. Было комично слушать чтение записей чернового вахтенного журнала, веденного сигнальщиками в ночь восстания. Сигнальщики, несмотря ни на что, продолжали писать черновой журнал аккуратно:

“12 час. 30 мин. пополуночи. Прекратили пары на баркасе и паровом катере.

2 час. 30 мин. Открыли огонь из ружей по офицерам.

3 час. 00 мин. Подняли пары на паровом катере.

3 час. 30 мин. Раненые офицеры отвалили на берег. Дали в камбуз огня”. И так далее... (Часы даны только приблизительно).

На суде меня поражала способность адвокатов в короткий срок разбираться с морской обстановкой и, в особенности, с терминологией, столь отличной от общегражданской».

Год назад после печального исхода команды мятежного броненосца «Потемкин» в Румынии она была брошена всеми революционными партиями на произвол судьбы. Помощь была оказана лишь «своим» – одесским эсерам Фельдману и Березовскому. Для них нашлись и деньги, и связи. Все остальные же были просто забыты за полной ненадобностью.

То же самое случилось и во время судебного процесса над матросами «Память Азова». Судьба рядовых мятежников абсолютно никого не интересовала. Поразительно, но ни одна из революционных партий даже не попыталась нанять серьезных адвокатов для матросов. Всем им были предоставлены лишь казенные адвокаты от государства, которые на суде, разумеется, просто отбывали номер. При этом уже с самого начала всем было ясно, что приговоры по делу «Памяти Азова» будут весьма суровыми. Но это устраивало всех! Пощаженные матросы революционерам были абсолютно неинтересны, а вот казенные – даже очень! Как и в истории с «мучеником Шмидтом», из них можно было вылепить образы страдальцев за народное дело, расписать все перипетии казни, вызвав этим ненависть к власти остальной матросской массы и обеспечить себе этим хороший задел на будущее.

Узнав из газет о провале мятежа на «Памяти Азова», в Ревель немедленно примчался друг Фундаминского эсер Зензинов, чтобы оказать посильную помощь товарищу.

Вначале немного про самого Зензинова: «Родился он в Москве в 1880 году. Отец его, “исповедовавший дух московско-сибирских староверов”, владел чайными плантациями на Цейлоне, имел в столице фирменные магазины. Интересен факт, что Федор Зензинов – брат отца – владел Нерчинскими рудниками, а племяннику пришлось впоследствии отбывать наказание в Сибири, в частности в Александровском Центральном».

Из воспоминаний террориста-бомбиста Зензинова: «... Илья (Бунаков-Фундаминский) приехал в Ревель, когда “Память Азова” был уже в руках восставших матросов и революционеров... Восставшие во главе с Оскаром были арестованы и посажены в трюм. На шлюпке Илья этого еще не знал и поэтому был чрезвычайно изумлен, когда на палубе его и приехавших с ним на шлюпке двух членов ревельской организации социалистов-революционеров (рабочих ревельского порта) схватили и тут же связали, как участников мятежа...»

Зензинов немедленно шлет весть об этом печальном событии в Берлин, очаровательной Амалии Фундаминской: «И первое, что я тогда сделал – послал Амалии в Берлин, где она находилась около Михаила Рафаиловича Гоца, телеграмму. Я и сейчас хорошо помню ее текст: “Tusik hier schwer erkrankt. doch habe Hoffnung. Andrei”, т. е. “Тузик здесь тяжело захворал, все-таки имею надежды. Андрей”. “Тузик” – было шутовское и ласковое прозвище Ильи, которое ему дал неистощимый на всякого рода выдумки Абрам (Гоц); Илья смеялся и говорил, что ему дали “собачью кличку”. “Андрей” – было тогда мое условное имя».

Далее Зензинов развивает бурную деятельность: «... Кроме того, я разыскал по приезду нашу ревельскую партийную организацию, которая предоставила себя в полное мое распоря-

жение – в ней были самоотверженные и решительные товарищи. Установив эти первые факты, я немедленно сообщил обо всем этом через специального посланного в Центральный Комитет (находившийся в это время в Гельсингфорсе) и просил выслать мне кого-нибудь из техников нашей Боевой Организации с запасом динамита на две или три бомбы. Для меня еще неясен был план действий, но я хотел подготовиться ко всем возможностям. Через несколько дней, действительно, в Ревель приехала знакомая мне Павла Андреевна Левенсон (та самая “брюнетка с голубыми глазами”, о которой я вскользь упоминал в главе о Боевой Организации). Она поселилась со своим запасом динамита, сняв комнату на окраине города (близ парка Екатериненталь, на морском берегу), и сообщила мне, что может приготовить три снаряда по шесть фунтов каждый или два снаряда по девять фунтов через два часа после того, как я ей об этом скажу. Я, таким образом, был уже хорошо вооружен для любых действий. Несколько товарищей из нашей партийной ревельской организации предложили свои услуги в качестве метальщиков».

Зензинов вступил в сговор с одним из охранников башни «Толстая Маргарита», в которой содержался Фундаминский, и собирался подменить его собой: «Весь план в деталях был разработан. Товарищам я уступил лишь в одном. Будут приготовлены два динамитных снаряда, которые они получат и будут охранять “Толстую Маргариту” во время подмены Бунакова мною – если стража спохватится раньше времени и бросится в погоню за Ильей, они задержат снарядами погоню...»

Однако Фундаминский отказался от такого плана. Зензинов продолжает: «И все же, быть может, я тогда, действительно, спас Илье жизнь! Накануне самого суда я узнал, что наша партийная ревельская организация на свою собственную ответственность решила вмешаться в события. Товарищи были убеждены, что все арестованные будут приговорены к смертной казни и расстреляны – и среди них Бунаков. Знали, где будет происходить суд – дорога к нему от “Толстой Маргариты” после площади шла по узкой улице, очень удобной для нападения. Была в распоряжении организации даже квартира, откуда можно было забросать бомбами весь отряд с арестованными, когда осужденных будут под окнами этой квартиры вести обратно после суда. “Пусть наши товарищи погибнут лучше от нашей руки, чем от руки царских палачей – зато при этом погибнет и стража, которая их будет окружать!” Когда я узнал об этом ужасном плане, я запретил им действовать от имени Центрального Комитета. Очень неохотно, но моему приказу они подчинились».

Начала подготовку к суду и жена Фундаминского Амалия совместно с местным присяжным поверенным Булатом. ЦК партии эсеров провел специальный «экс», чтобы добыть деньги на покупку самых дорогих адвокатов для своих соратников. Больше всего эсеры боялись, чтобы Фундаминский с друзьями не попал в военно-полевой суд, так как оттуда им была одна дорога – на каторгу. Ценой огромных денег Фундаминский, Леушев и Косырев были переданы гражданским властям города Ревеля, якобы «за недоказанностью вины». Кто бы сомневался, что при таких связях и при таких деньжищах Фундаминский очень элегантно отмажется от ответственности по делу «Памяти Азова»! К тому же и человек он был весьма находчивый, да и за словом в карман не лез. Матросов судят военным судом? Так я же гражданский! Что касается власти, то она повелась на эту нехитрую, в общем-то, демагогию. Вняв аргументам террориста, его передают гражданскому прокурору. Потом последовал повторный суд, уже в Петербурге – гражданский. Илья Исидорович и тут не растерялся и на «голубом глазу» заявил: «Так я же прибыл на корабль уже после подавления бунта! Я ж никого не трогал!» Обвиняемые нагло ввали, что просто катались на лодке в районе крейсера и, заблудившись, подошли к борту, чтобы уточнить свое местонахождение. Суд вынес оправдательный приговор. Однако, несмотря на положительное решение гражданского суда, всех трех снова взяли в оборот. Вторый раз эсеров-боевиков судили уже в военно-окружном суде Санкт-Петербурга. И снова партия эсеров не осталась безучастной к своим товарищам. От партии снова были наняты луч-

шие адвокаты. Велась определенная работа и с судьями. Как следствие, вторично был вынесен оправдательный приговор. В итоге все трое оказались на свободе. В воспоминаниях современников о Фундаминском можно встретить утверждение, что революционер оба раза «непостижимым образом был оправдан царским судом». Поразительно: все в точности знали, что Фундаминский спешил, чтобы возглавить антиправительственный мятеж, налицо были и все доказательства. Но два суда подряд его оправдали! Увы, коррупция, взятки и наплевательское отношение к безопасности государства имели место у нас во все времена! Не искушая более судьбу, незадачливый диктатор разгромленного мятежа через Финляндию бежит за границу.

Газеты потом писали, будто, выйдя из суда, Фундаминский остановил извозчика, взобрался в пролетку и картинно крикнул, взмахнув тростью, в расчете на публику:

– Извозчик, за границу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.